

на волю и счастье!!!
 Ой, как мы хотим счастья!
 Российская Социалдемократическая Рабочая Партия
 финансовую и политическую независимость!
 Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Знак

R

ВПЕРЕДЪ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ ПО
 ОЧЕРЕДНЫМЪ ВОПРОСАМЪ

СОДЕРЖАНИЕ:

1. Отъ редакция.
2. Максимовъ. Пролетаріатъ въ борьбѣ за социализмъ.
3. Домовъ. Финляндскій вопросъ.
4. Петръ Ал. Аграрная политика царскаго самодержавія (законъ 9-го ноября).
5. Столяра. Кризисъ и безработица.
6. Воиновъ. Измѣна пролетарскому дѣлу (Эрико Ферри).
7. Раиникъ ополченія. Изъ будничной жизни русскаго солдата.
8. —р. Изъ жизни С. Дем. Латышскаго Края за періодъ реакціи.
9. Рабочій Ар. Изъ Москвы.
10. Ткачъ (И-н). О настроеніяхъ и запросахъ современнаго рабочаго (изъ Питера).
11. Членъ партіи. О томъ, какъ не надо составлять денежные отчеты (по поводу отчета Ц. К.).
12. Къ свидѣнію товарищей.

ИЗДАНИЕ ГРУППЫ „ВПЕРЕДЪ“

Іюль
 1910

Впередъ

Сборникъ статей по очереднымъ
вопросамъ

Цѣна 40 сант.

Изданіе Группы „ВПЕРЕДЪ“

Іюль 1910 г.

СОДЕРЖАНИЕ: Отъ редакціи. Максимовъ. — Пролетаріатъ въ борьбѣ за социализмъ. Домовъ. — Финляндскій вопросъ. Петръ Ал. — Аграрная политика царскаго самодержавія (законъ 9 ноября). Столяръ. — Кризисъ и безработица. Воиновъ. — Измѣна пролетарскому дѣлу (Эрико Ферри). Ратникъ ополченія. — Изъ будничной жизни русскаго солдата. — Ръ. — Изъ жизни Соц.-Дем. Латышскаго Края за періодъ реакціи. Рабочій Ар. — Изъ Москвы. Ткачъ (И-нъ). — О настроеніяхъ и запросахъ современнаго рабочаго (Изъ Питера). Членъ партіи. — О томъ, какъ надо составлять денежныя отчеты (по поводу отчета Ц. К.). Къ свѣдѣнію товарищей.

Отъ редакціи

Товарищи!

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ наша группа, впервые выступая съ выясненіемъ своихъ взглядовъ на современное положеніе и задачи партіи, заявила о своемъ намѣреніи при первой возможности приступить къ изданію популярной рабочей газеты. До сихъ поръ недостатокъ матеріальныхъ средствъ мѣшалъ намъ выполнить свое намѣреніе. Теперь это препятствіе удалось устранить. Но все же мы въ данный моментъ выпускаемъ въ свѣтъ еще не періодическій органъ, а пока только популярный сборникъ, по составу подходящий къ типу органа. Мы рѣшили продолжать изданіе и сдѣлать его періодическимъ въ томъ случаѣ, если оно найдетъ сочувствіе и сотрудничество товарищей, работающихъ въ Россіи. Мы хотимъ тратить силы и средства группы лишь съ полной увѣренностью, что наша работа удовлетворяетъ партійную потребность и серьезно служить дѣлу возрожденія партіи.

Итакъ, товарищи, мы ждемъ вашего отклика и вашей поддержки. Ваши корреспонденціи, статьи, запросы, совѣты должны стать основнымъ и руководящимъ матеріаломъ для редакціи въ дальнѣйшей работѣ. Время трудное, партіи нужна работа. Соединимъ усилія для общаго дѣла!

Редакція

Пролетаріатъ въ борьбѣ за социализмъ

Среди современнаго общества пролетаріатъ занимаетъ исключительное положеніе въ Россіи, какъ и во всемъ мірѣ. Это — единственный классъ, ведущій борьбу за коренное и полное переустройство общественнои жизни, единственный классъ безусловно революціонный. Его передовые слои вполне сознательно идутъ къ социализму; его болѣе отсталыя массы, подчиняясь силѣ своихъ общихъ практическихъ интересовъ, потребностямъ своей ежедневной борьбы, полу-сознательно и съ колебаніями, но все-таки неизбежно вступаютъ на тотъ же путь; онѣ поддерживаютъ свой авангардъ и шагъ за шагомъ приближаются къ тому же ясному, боевому социалистическому сознанию. Въ историческомъ ходѣ развитія всякое завоеваніе пролетаріата оказывается средствомъ для усиленія его борьбы за социализмъ: увеличеніе гражданской свободы означаетъ ослабленіе внѣшнихъ препятствій, которыя она встрѣчаетъ, экономическое улучшеніе даетъ возможность быстрѣе накапливать необходимую для нея энергію. Всякій шагъ рабочаго класса впередъ — новая угроза старому обществу. Вотъ почему онъ одинокъ въ этомъ обществѣ, жизнь котораго онъ поддерживаетъ своимъ трудомъ.

Всѣ классы собственниковъ — и капиталисты, и землевладѣльцы, даже крестьяне и ремесленники — по природѣ своей либо враждебны, либо, по крайней мѣрѣ, чужды пролетаріату. Буржуазія и помѣщики находятся въ постоянной экономической борьбѣ съ нимъ; крестьяне и ремесленники, которымъ дорога ихъ мелкая собственность, не могутъ понять и допустить социалистическаго идеала пролетаріевъ, ихъ стремленія объединить въ общественную собственность всѣ средства человѣческаго труда. Въ силу своихъ интересовъ, своего пристрастія къ имуществу, будетъ ли это капиталъ или клочекъ земли, фабрика или домашняя мастерская, — въ силу вѣчной своей заботы, какъ бы его сохранить и приумножить, собственники всегдѣ другими глазами смотрятъ на міръ, чѣмъ неимущіе, обездоленные, „вольные какъ птица“ пролетаріи, которымъ нечего терять и нечего накапливать, у которыхъ другія мысли и за-

боты. Отсюда и глубокое духовное отчуждение между этими классами и пролетариатом: что для них истина и справедливость, то для него очень часто — дождь и насилие. Он их моложе, и поэтому должен учиться у них; но никогда он не должен вбрызнуть им в слово, иначе будет обманут; все, что он у них берет, ему необходимо проврать и перерабатывать по-своему; а нередко надо и прямо отвергать, как отравленные подарки врагов.

Къ счастью, рабочий класс легко привыкает именно так относиться къ идеям, которые даются ему старое общество; оттого и не могут его никак обучить скромности въ требованіяхъ и расширенію передъ властью низовыми, покорности передъ судьбою и надеждъ на помощь божію, въѣвъ въ справедливость установленнаго порядка и ожиданію награды за бѣдствія на томъ свѣтѣ; не могутъ убѣдить его, что законы общества неизмѣны, какъ законы природы, и что каждый по этимъ законамъ долженъ стоять за самаго себя, а развѣ только богъ — за всѣхъ. Своей головой думаетъ пролетарій, и — все долженъ пересудить заново, какъ бы ни было трудно, — потому что если бы онъ подчинился старому обществу духовно, то никогда не могъ бы выбиться изъ его цѣпей экономически.

Борясь за свои интересы, каждый классъ общества старается закрѣпить всякое завоеваніе, упрочить свою силу; это дѣлается посредствомъ законовъ, государственныхъ установленій и т. п. Помѣщики закрѣпляютъ эксплуатацію крестьянъ посредствомъ крѣпостного права, или посредствомъ выгодныхъ для себя законовъ объ арендѣ, или посредствомъ разорительныхъ налоговъ, которые тратятъ на свою пользу и получаютъ въ видѣ жалованья, надѣвши мундиръ чиновниковъ. Капиталисты упрочиваютъ экономическую власть свою надъ рабочими посредствомъ законовъ о договорахъ найма, о стачкахъ и профессиональныхъ союзахъ, обезпечиваютъ высокія цѣны на свои товары путемъ финансовой политики таможенныхъ пошлинъ, и т. д. Чтобы удерживать за собою господство надъ умами людей, тѣ же буржуазные классы создаютъ организацию церкви, подчиненной государству, и организацию народного просвѣщенія подъ его же руководствомъ и контролемъ. Такимъ образомъ, расширяясь, борьба классовъ, экономическая и культурная, переходитъ въ политическую. Рабочій классъ также вынужденъ, сдѣлательно, защищать свои интересы политическимъ путемъ, борясь за политическую силу въ нынѣшнемъ обществѣ.

Во всей многообразной и трудной борьбѣ своей рабочий классъ одинокъ, хотя и можетъ иногда показаться, что это не такъ. Дѣйствительно, у него бываютъ порою союзники, которые идутъ заодно съ нимъ въ достиженіи какой-либо частной цѣли, выгодной и ему и этимъ союзникамъ. Но это всегда — лишь временное соединеніе силъ, и послѣ побѣды надъ общимъ врагомъ вчерашніе друзья вновь поворачиваются фронтомъ противъ рабочихъ, а иногда успѣваютъ замѣнить имъ еще раньше, вступивъ въ мирное соглашеніе съ врагами.

Напримѣръ, на Западѣ, въ тѣ времена, когда тамъ велась освободительная борьба противъ помѣщичьей аристократіи, самодержавія и чиновничества, рабочий классъ, тогда еще политически незрѣлый и несамостоятельный, шелъ за буржуа-

зій, добросовѣстно жертвуя своей кровью во имя общей задачи — завоеванія гражданской свободы. Но послѣ общей побѣды немедленно оказывалось, что эта свобода — о двухъ концахъ: для капитала свобода эксплуатаціи, для пролетаріата — свобода создавать капиталъ прибавочною стоимостью, подчиняясь его условіямъ, или же умирать съ голоду безъ работы. Такъ, французская буржуазія послѣ первыхъ побѣдъ Великой революціи отблагодарила рабочихъ за боевую поддержку закономъ Шапелле, запрещавшимъ рабочіе союзы. Добывая руками рабочихъ конституцію, буржуазія почти каждый разъ оставляла избирательное право только для себя и для побѣжденнаго врага — аристократіи, заботливо остерегаясь давать эту опасную игрушку въ руки юнаго пролетаріата, а также отказывала ему и въ экономическихъ улучшеніяхъ. Если же рабочіе, видя, что они обмануты, выходили затѣмъ на улицу требовать своей доли, — то всѣ честные буржуа, вмѣстѣ со старой арміей, съ ея помѣщичьимъ офицерствомъ и генералами, находились уже по другую сторону баррикады, и въ полномъ сознаніи своего гражданского долга, старательно разстрѣливали рабочихъ, какъ бунтовщиковъ противъ истинной свободы. Не лучше приходилось рабочему классу и отъ крестьянства... Вмѣстѣ, бывало, дрались они за свободу, когда и крестьяне поддерживали передовую буржуазію въ освободительной борьбѣ. А послѣ побѣды буржуазія, перейдя къ усмиренію рабочихъ, осмѣливающихся быть недовольными, между тѣмъ какъ она получила уже то, что ей надо, безъ труда направляла на нихъ крестьянство. Двумя величайшими поражениями, какія испытывалъ французскій пролетаріатъ за все время своей героической борьбы, двумя кровавыми банями — 1848 и 1871 года, онъ обязанъ крестьянамъ и крестьянскимъ полкамъ. Мелкій земельный собственникъ какъ бы по инстинкту враждебенъ свободному отъ собственности пролетаріату, чувствуетъ смутную тревогу и страхъ передъ социалистическими стремленіями.

Пролетаріатъ одинокъ въ своей борьбѣ за социализмъ. Правда, къ нему приходятъ и подъ его знамя становятся иные выходцы изъ другихъ классовъ, тѣ, которыхъ мы привыкли называть социалистической интеллигенціей. Но это — „бѣлые вороны“; ихъ сравнительно немного, и они — отверженные въ глазахъ того „общества“ изъ котораго вышли. А между тѣмъ, еще и въ нихъ есть опасенія для пролетарскаго социализма. Какъ бы ни были они полезны рабочему дѣлу своими знаніями, и какъ бы ни были искренно ему преданы, очень часто они вносятъ въ свою новую работу многое изъ своего прежняго воспитанія, старыхъ воззрѣній и привычекъ мыслей. Очень часто не пролетарскими глазами смотрятъ они на важныя задачи и условія пролетарской борьбы: то не могутъ освоиться съ товарищеской дисциплиной и равенствомъ, необходимыми въ рабочей организации, то тяготеютъ къ союзу со все еще невольны имъ близкими буржуазными классами, и стараются внушить рабочему классу примирительную политику, то безъ критики принимаютъ и пропагандируютъ неправильныя и вредныя для пролетаріата идеи буржуазной науки и философіи... Все это нередко вноситъ неясность и противорѣчія въ социалистическое сознаніе, иногда смуту и разладъ въ рабочія организации. А рабочему классу и безъ того не легко отдѣлываться отъ

остатков старого понимания жизни, которые сохраняются у него в силу его происхождения, — потому что познать его из широких слоев крестьянства и городского мищанства, разоренных и угнетенных.

Итак, никому не должен рабочий класс влиять в своей тяжелой, великой борьбе, но войдя и все проводить своим умом, своим обширным классовым сознанием; ни на кого не полагаться, кроме своей собственной, массовой силы. Это и значит, что освобождение рабочих есть дело самих рабочих.

Для российского пролетариата условия классового его-борьбы еще труднее и сложнее, чем для его западных товарищей. В первую волну российской революции, в 1904-6 годах, рабочим не пришлось идти за буржуазией на завоевание гражданской свободы, потому что наша буржуазия была неспособна не только руководить революционным движением, но даже бороться сколько-нибудь решительно и самостоятельно. Напротив, она в своих политических выступлениях шла за массовым движением, пролетарским и крестьянским; да и выступления эти были почти только словесные — банкеты, петиции, думская речь и резолюция; в прямую борьбу, стачечную и вооруженную, она старалась не вмешиваться, и еще больше боялась революционного народа, чем реакционного правительства. Она видела наибольшую опасность в усилении рабочего класса, и все время старалась отделиться от него, воевать с врагами, чтобы, получив для себя долю власти, соединиться с ними против рабочих и бедных крестьян. Таким образом, хотя пролетариат и не находился под руководством буржуазии в борьбе за свободу, а наоборот, вел и толкал буржуазию, это несколько не мешало ей изменить ему и предать его, как было на Западе, и даже еще хуже. Не только крупные промышленники и купцы с их партией октябристов, немаленькой пролетариату едва ли не сильнее, чем сами черносотенцы, употребили все усилия, что ослабить и разорвать массовую борьбу рабочих, помешать их организации, ожесточенно борясь против забастовок, и даже профессиональных союзов;* не многим лучше было поведение прогрессивно-буржуазной кадетской партии, представляющей союз просвещенных земледельцев-помещиков с либеральными адвокатами, профессорами и прочей хорошо оплачиваемой, «высшей» интеллигенцией. Кадеты упорно призывали массы к спокойствию тогда, когда, только прямая революционная борьба могла привести к побед; они сорвали бойкот первой Думы, проповедуя преимущества мирной борьбы; набрателями бюллетенями против правительственных инициатив и пушек; они убеждали крестьян не полагаться на Думу и ожидать от нее земли и воли. Больше чем кто либо, кадеты помогли самодержавию обмануть народ, призрагом конституции. Правда, сами они она записаны также обмануты в своих надеждах и ожиданиях; но это несколько не мешает того, что они продали народную свободу из страха перед рабочим классом и перед крестьянским революционным движением.

* Не случайно именно октябрист Рейнбот, муж владелицы фабрики Морозовой, отличавшийся тем, что один день закрыл в Москве десятки профессиональных союзов.

Что касается крестьянства, то про него не точно было бы сказать, что оно изменило пролетариату: мало-сознательное и разорванное, оно не поддержало рабочих в тот момент, когда революция дала до вооруженной борьбы; пролетарское движение успело к тому времени пробудить крестьянство, но не успело поднять главной его массы для решительного нападения на старый порядок. А войско, в большинстве своем крестьянское по составу, забытое казарменной жизнью и дисциплиной, было еще менее сознательно, и если кой-где и бунтовало, то в общем втайне и правдой послужило офицерам-помещикам, чтобы крестьяне не могли получить земли, а весь народ — воли.

Союзником рабочих во время подъема была мелкая демократическая интеллигенция, имевшая плохие заработки и ведущая полу-пролетарский образ жизни. По самой природе своей она не самостоятельна, и в революционные годы примыкала к рабочему классу просто потому, что он был наиболее революционным, потому что он больше всего мог удовлетворить своей борьбой стремлениям этой интеллигенции к свободе и демократическому строю. Она в огромном количестве вступала тогда в социал-демократическую партию, признавая на словах ее программу, а в действительности весьма мало думая о социализме, который был для нее чем то чуждым, и далеком от очередных революционных задач. Когда ряд поражений, нанесенных реакционными силами рабочему классу, показал, что на этот раз ему еще не удастся завоевать для России свободу и республику, тогда интеллигенция в большинстве своем почувствовала, что ей нечего делать в рабочей партии, а стало быть, незачем и переносить с нею невзгоды, и началось бегство интеллигентов из рядов социал-демократии. Осталась незначительная часть — «белые вороны», на деле преданные социалистической идее.

Потеря интеллигенцией доверия к разстройству партийных организаций, и без того потрясенных политическими и экономическими ударами, которые обрушила на рабочий класс реакция. Вслед за интеллигенцией отшатнулись от партии также менее сознательные пролетарские элементы, которые не успели еще подняться до понимания высшего пролетарского идеала, которые видели в революции только борьбу за гражданскую свободу и экономические улучшения, а не сознавали того, что в историческом развитии рабочего класса — все это лишь средства для борьбы за социализм, для его безпрепятственного развития и накопления боевых пролетарских сил.

Теперь положение российского пролетариата таково, что ему, как будто, придется вновь проходить недавно пройденные этапы — завоевывать отнятую реакцией возможность открыто и свободно организоваться, и вновь добывать экономические улучшения, отобранные капиталистами в удобное для них время ослабления рабочего класса: точно работа Сизифа, у которого камни скатываются с горы, когда он успевает дотолкать его почти до вершины. Но в действительности это вовсе не так. Ни победы, ни поражения рабочего класса не грозят для него даром; те и другие окажут ему огромную помощь на следующих стадиях борьбы, потому что ими проложена дорога, и выяснен путь со всеми

его трудностями и опасностями. Во-первых, пролетариатъ научился дѣлу организации, онъ сумѣлъ несравненно легче и полнѣе собрать свои силы, когда настанетъ моментъ новой рѣшительной борьбы; во-вторыхъ, онъ знаетъ теперь свою общественную среду, знаетъ, чего ему ожидать и на что рассчитывать отъ тѣхъ классовъ и партій, съ которыми онъ сталкивается. Словомъ, онъ получилъ серьезное воспитаніе для дальнѣйшихъ этаповъ своей тяжелой исторической работы; надо только воспользоваться этимъ воспитаніемъ.

Русскій рабочій теперь видитъ на опытъ, до чего непрочно и ненадежны всякія завоеванія, если они не закрѣплены созданіемъ массовой организованной силы и глубокимъ разрушеніемъ вражескихъ силъ. Онъ видитъ также и то, до какой степени одиноко пролетариатъ со своими великими цѣлями и задачами, одиноко даже среди временныхъ союзниковъ и случайныхъ друзей. Видитъ русскій рабочій также и дѣйствительные размѣры своей классовой мощи, которую испытать онъ въ жестокой борьбѣ. Изъ всего этого сдѣлаетъ онъ свои выводы, и они послужатъ ему вѣрнымъ руководствомъ для будущаго.

Въ настоящее время уже начинается новое оживленіе политической активности въ народныхъ низахъ: снова усиливается тяготѣніе рабочихъ къ социалъдемократіи, а въ крестьянскихъ учащаются аграрныя волненія. Понемногу поднимаются голову и либеральная буржуазія. По мѣрѣ того, какъ общественный подъемъ будетъ развиваться, и она, по всей вѣроятности, будетъ рѣзче и рѣзче выступать — въ мирныхъ, разумѣется, формахъ — противъ стараго порядка, при чемъ вновь будетъ пытаться назвать свое руководство народному движенію. Это ей, конечно, не удастся. А когда затѣмъ, при первомъ удобномъ или даже неудобномъ случаѣ, она измѣнитъ демократію, повернется противъ народа, то для рабочаго класса въ этомъ не будетъ ничего неожиданнаго, онъ сумѣетъ заранѣе подготовиться къ этому неизбежному факту, и заранѣе сумѣетъ твердо отдѣлать свое дѣло отъ политики либеральной буржуазіи.

Иначе отнесется нашъ пролетариатъ къ движенію крестьянства, для котораго революція — дѣло необходимости для котораго «земля и воля» — вопросъ жизни и смерти. Опытъ показалъ рабочимъ, что одними своими силами, безъ поддержки крестьянъ, они пока еще не могли бы справиться со старымъ порядкомъ; для вѣрной побѣды требуется, чтобы поддержка эта была широкой и организованной. Значитъ, недостаточно рабочему классу вовлечь крестьянъ въ революцію однимъ своимъ примѣромъ: надо приобрести болѣе глубокое и болѣе постоянное знаніе на нихъ, и помочь ихъ политической организациі.

Достигнуть этого передовой пролетариатъ фабрикъ и заводовъ можетъ всего скорѣе и вѣрнѣе черезъ родной ему по социальному положенію пролетариатъ сельскій. Среди селско-хозяйственныхъ рабочихъ должна вестись социалистическая пропаганда какъ можно шире, и на дѣло ихъ организациі должны быть употреблены особенныя усилія. Тѣсно примкнувши къ обще-классовой борьбѣ пролетариата, сельскіе рабочіе, кромѣ того, будутъ систематически влиять на всю остальную деревенскую бѣдноту — на полу-разоренное, задавленное налогами мелкое крестьян-

ство, которое въ силу своихъ интересовъ должно со всею энергіей вступить въ революционную борьбу за землю и демократическое правленіе. Эта часть крестьянства будетъ временнымъ, но важнымъ по своей численности союзникомъ для рабочаго класса. Что же касается крестьянства защиточнаго, которому покровительствуетъ нѣмнѣйшая аграрная политика, то о немъ заботиться нечего, большая часть его станеть, конечно, на сторону реакціи.

Съ усиленіемъ общественнаго подъема, демократическая интеллигенція, надо полагать, вновь начнетъ приливать къ рабочимъ организациямъ, партийнымъ и профессиональнымъ; есть извѣстія отъ работающихъ на мѣстахъ товарищей, что уже наблюдаются признаки такого поворота. Нашъ пролетариатъ воспользуется этой помощью, но теперь нѣсколько иначе, чѣмъ это было раньше. Онъ уже не допуститъ, чтобы эти, въ большинствѣ своемъ мало надежные, далеко не вполне социалистические элементы играли столь важную, руководящую роль въ рабочихъ организацияхъ. Недаромъ за все время реакціи онъ усиленно вырабатывалъ свою собственную, чисто пролетарскую интеллигенцію. Мы знаемъ, какой новый типъ рабочаго-соціалъдемократа успѣлъ создаться за эти два года: типъ партийнаго работника, по своему общему развитію, по своей подготовкѣ почти или совсѣмъ не уступающій среднему «интеллигенту» прежнихъ временъ, но далеко его превосходящій по своей классовой опредѣленности, по своей социалистической выдержанности. Эта новая интеллигенція сумѣетъ съ достоинствомъ и успѣхомъ вести отвѣтственную работу въ организацияхъ, и своимъ воздѣйствіемъ улучшить работу старой партийной интеллигенціи, прекратить ея мелкіе раздоры и расколы, и будетъ воспитывать также вновь приливающие къ партіи интеллигентскіе и иные не-пролетарскіе элементы. Она сдѣлаетъ социалъдемократію рабочей классовой организаціей въ болѣе полномъ и точномъ смыслѣ этого слова, чѣмъ когда либо до сихъ поръ.

Въ новыхъ и трудныхъ социальныхъ столкновеніяхъ рабочему классу придется соприкасаться и вступать въ связь съ самыми разнородными общественными силами, которыми онъ долженъ будетъ руководить въ интересахъ своей борьбы за социализмъ. Чтобы не поддаться ихъ вліянію, и остаться повсюду вѣрнымъ себѣ самому, онъ долженъ глубже и совершеннѣе вырабатывать свое социалистическое мировоззрѣніе, свое классовое пониманіе жизни и всѣхъ человѣческихъ отношеній, свою пролетарскую культуру. Она сплотитъ ряды пролетариата, укрѣпитъ единствомъ идей и чувства его массовую силу. И, одинокій среди современнаго общества, но ясно сознавая смыслъ общественнаго развитія, точно опредѣляя истинную цѣль и своихъ враговъ, и своихъ недолговременныхъ друзей, онъ будетъ тѣмъ сильнѣе.

Одинокій среди чуждыхъ классовъ, онъ найдетъ могучую поддержку въ международномъ братствѣ пролетаріевъ всѣхъ странъ. Опираясь на нее, онъ увѣренно пойдетъ по своему трудному пути къ неизбежной побѣдѣ.

Освобожденіе рабочаго класса — матеріальное и культурное — будетъ дѣломъ самихъ рабочихъ!

МАКСИМОВЪ.

Финляндский вопрос

Царь Николай к безконечному ряду своих преступлений прибавил еще одно: упразднил финляндскую конституцию, которую сам дважды обещал свято хранить. Чѣмъ помѣшала Финляндия черносотенной бандѣ, во главѣ которой стоитъ Николай — это довольно легко понять. Финляндия помогала русскимъ революционерамъ — не очень энергично, правда, если не считать крайняго лѣваго крыла финскихъ рабочихъ — но все же помогала. Теперь мстятъ всѣмъ, кто такъ или иначе принималъ участие въ революціи: должны отомстить и финляндцамъ. Если къ этому прибавить кое-какіе карманные интересы вліятельныхъ черносотенцевъ, то дѣло станетъ уже совсѣмъ понятно. Подумайте, сколько въ «успокоительной» Финляндии придется устроить охранныхъ отдѣленій, и сколько жандармовъ и шпионовъ найдутъ себѣ при этомъ честный заработокъ! Да и однихъ ли жандармовъ? Вотъ, недавно въ газетахъ промелькнуло извѣстіе, что финляндскія желѣзныя дороги, созданныя тяжкимъ трудомъ финскаго народа, подчиняются русскому министерству путей сообщенія, и во главѣ ихъ ставится русский инженеръ съ жалованьемъ въ 12.000 рублей въ годъ (не считая того, что ему удается украсть). Выбѣстъ съ этихъ большими паразитомъ явится, конечно, цѣлая туча маленькихъ, и каждый найдетъ въ финскомъ карманѣ достаточно на прокормленіе себѣ и своему семейству. Любопытно, что финляндскія желѣзныя дороги собираются при этомъ переименовать въ «приблѣточныхкія» — чтобы, значитъ, и имени больше не оставалось (какъ Польшу въ свое время переименовали въ «привислинскія» губерніи). А если прибавить къ этому еще, что въ ближайшихъ къ Петербургу частяхъ Финляндии достаточно черносотенныхъ русскихъ помѣщиковъ, которые давно уже «стѣснены» тѣмъ, что ихъ заставляютъ уважать финляндскіе законы (подумайте, какая это обида для русскаго дворянина!), и что они не могутъ пользоваться льготами русскаго дворянскаго банка (въ Финляндии же столь благотворнаго учрежденія нѣтъ) — то причинъ для «успокоенія» финновъ окажется даже больше, чѣмъ нужно. Не придется припоминать и кровной обиды, нанесенной финляндцамъ «союзу русскаго народа», двухъ членовъ котораго они осмѣлились судить, какъ убійцъ — точно и не зная о томъ, что во главѣ этого союза убійцъ стоитъ самъ российский самодержецъ. А каково было Николаю узнать, что двухъ изъ числа его ближайшихъ единомышленниковъ, людей, которымъ онъ больше всего на свѣтѣ довѣряетъ, заковали въ финляндскія кандалы! Можно быть увѣреннымъ, что только почтеніе передъ Европой, т. е. передъ парижскими банками, удержало его отъ немедленной расправы съ крамоульной страной. Надо было подождать удобнаго предлога — но разъ онъ нашелся, ждать уже больше не приходилось.

Не приходится голову ломать и надъ участіемъ въ дѣлѣ русскаго «конституціоннаго» правительства. Глава его, Столыпинъ, какъ это теперь ясно, вѣроятно, и славословившимъ его нѣкогда кадетамъ, въ душѣ не меньше черносотенцевъ, чѣмъ Пуришкевичъ, — только болѣе умный, менѣе болтливый и лучше умѣющий соблюдать европейскія приличія. За это послѣднее его, главнымъ

образомъ, повидимому, и держатъ — ибо административныхъ способностей онъ пока никакихъ не обнаружилъ. Въ этомъ отношеніи Столыпину далеко даже до иныхъ знаменитыхъ черносотенцевъ прошлыхъ временъ, — до «премьера» временъ Александра III, гр. Дм. Толстого, напримеръ. По представительный лакей, умѣющий «подать», нуженъ большому барскому дому. И вотъ Столыпину, въ числѣ всего прочаго, «подавалъ» Европѣ въ Государственный Думѣ (сія послѣдняя существуетъ теперь, вѣдь, главнымъ образомъ для Европы) финляндскій вопросъ. При всей ловкости подавателя, отъ блюда понесло такъ, что даже признанные друзья Николая, французскіе буржуа, поморщили носъ — и нѣкоторые, правда немногіе, изъ буржуазныхъ депутатовъ и сенаторовъ подписали адресъ, гдѣ говорилось, что проведеніе финляндскаго законопроекта можетъ произвестивъ Франціи «тяжелое впечатлѣніе».

Совсѣмъ иное впечатлѣніе произвелъ Столыпину на буржуазное большинство въ своемъ собственномъ «парламентѣ». Стенографическій отчетъ отбѣлнлъ, что рѣчь премьера — въ которой не знаешь чему болѣе удивляться, скудости ли аргументовъ или наглости тона — была привѣствована «бурными продолжительными аплодисментами и возгласами одобренія справа и *всѣхъ цѣнтръ*». Что «союзники» справа аннулировали своему представителю передъ Европой, этому такъ и быть должно. Но что вызвало бурные восторги сдѣлнвшихъ въ центрѣ октябристовъ? Иностранная печать выдала одну смѣшную тайну: оказывается, что Столыпину нарочно вставилъ въ законопроектъ нѣсколько пунктовъ *лишнихъ* — для краснаго словца, такъ сказать; правительство не собиралось на нихъ настаивать, было увѣрено, что Дума ихъ выкинетъ — и что можно будетъ еще разъ козырнуть передъ Европой своимъ «парламентаризмомъ», и еще разъ увѣрить наивныхъ людей, будто въ Россіи есть конституція, и Дума въ самомъ дѣлѣ что-то значитъ. А восторженные октябристы взяли да и приняли правительственный законопроектъ весь цѣликомъ, ничего не выкидывая. Тутъ уже, говорятъ заграничныя газеты, поморщился носъ у самого Столыпина — и его рѣчь въ государственномъ совѣтѣ была далеко не такъ нагла, какъ въ Думѣ. Что же заставило русскую крупную буржуазію «перепродить» самого Прода? Здѣсь дѣло нѣсколько сложнее, чѣмъ съ черносотенцами. Интересы этихъ послѣднихъ враждебны вообще всякому развитію. Великій шагъ Россіи впередъ для нихъ шагъ къ гибели. Положеніе черносотенцевъ по отношенію къ Россіи — положеніе завоевателей, которые знаютъ, что ихъ изъ завоеванной страны не сегодня завтра выгонять. Ихъ девизъ — «хоть часъ, да мой». Если, раздавивъ Финляндію, можно оторочить новую русскую революцію хсть на два мѣсяца — отчего же этого ни сдѣлать? А каково будетъ потомъ Россіи расхлебывать эту кашу — не все ли это равно. Октябристы — другое дѣло. Въ рядахъ этой партіи сосредоточена большая часть русской торгово-промышленной и аграрной буржуазіи. Буржуазія эта очень отсталого типа, такого, какой въ Европѣ давнымъ-давно вымеръ или вымираетъ. На кулакъ и обманъ онъ гораздо больше расчитывается, нежели на свое умѣнье и сноровку. Но все же такіе русскіе буржуа не могутъ смотрѣть на себя какъ на вредническихъ гостей въ Россіи, какъ на людей

пришлихъ, которымъ не сегодня-завтра придется уйти вонъ. Пришлили или нѣтъ—другой вопросъ, но сами въ себѣ они видѣли хозяевъ русской земли, и, какъ хозяева, они устраниваются въ Россіи назадъ. И вотъ, съ ихъ точки зрѣнія, очевидно, оказывается какой-то расчетъ въ томъ, чтобы превратить свободную Финляндію въ рядъ русскихъ губерній, управляемыхъ на общемъ основаніи «положенія объ усиленной охранѣ». Лѣвое крыло самой этой буржуазіи, кадеты, по своей привычкѣ объясняютъ все съ «идеалистической» точки зрѣнія—т. е. отъ мыслей и чувствъ тѣхъ или иныхъ людей, а не отъ объективныхъ условий дѣйствительности — и поведение октябристовъ объясняютъ ихъ *психологіей* — ихъ раболопствомъ передъ властью, трусостью и угодничествомъ передъ Столыпиннымъ, и тому подобными мотивами. Но если мы присмотримся къ исторіи русско-финляндскихъ отношеній, мы увидимъ, что столыпинскій законопроектъ представлялъ собою послѣднее звено длинной цѣпи, выковавшейся рядомъ поколѣній. Какъ бы ни были раболопны Гучковъ и вся октябристская братія, нечая же ихъ считать ответственными за то, что дѣлалось при Александрѣ III или даже при Николаѣ I. Попытка захвата Финляндіи при Николаѣ II объясняется, какъ и все въ исторіи, отъ классовыхъ отношеній. При однихъ классовыхъ отношеніяхъ внутри русскаго общества Россія оказывалась выгодно дать финляндцамъ конституцію — при измѣненіи этихъ отношеній оказывается необходимо эту конституцію отнять.

Завоеваніе Россіей Финляндіи началось при Петрѣ Великомъ и было закончено, относительно легко и быстро, Александромъ I, въ 1808—1809 годахъ. Легкость и быстрота этого замѣчательнаго момента завоеванія объясняется тѣмъ, что верхи финляндскаго общества, его правящіе классы, *желали быть завоеванными*. Финляндское дворянство (буржуазія тогда еще не играла значительной роли, крестьянство вовсе не имѣло политическаго значенія, а пролетаріатъ еще не родился, ибо не было и крупной промышленности) давно тяготилось зависимостью отъ Швеціи и желало превратить Финляндію въ самостоятельное государство. Русскій императоръ казался ему самымъ подходящимъ государемъ для самостоятельной Финляндіи, потому что это обещивало послѣднюю и со стороны Россіи, превращавшейся такимъ путемъ изъ врага (русско-шведскія войны всей тяжестью ложились на Финляндію) въ союзника, и со стороны Швеціи, которая и *осмѣлилась бы* напасть на страну, находящуюся подъ столь могущественнымъ покровительствомъ. Съ цѣлью образованія изъ Финляндіи самостоятельнаго государства подъ покровительствомъ Россіи финляндские офицеры-дворяне еще въ концѣ 18-го вѣка, при Екатеринѣ II, устранили заговоръ—но Екатерина была занята другими дѣлами (Польшею и Турціей), и финляндцевъ не поддержала. При Александрѣ I дѣла обстоитъ иначе. Россія готовится къ рѣшительной схваткѣ съ Наполеономъ I — хотя номинально и существовать русско-французскій союзъ. Для Александра I было очень важно обезопасить свой тылъ — устроить такъ, чтобы можно было быть совершенно спокойнымъ за Петербургъ, отдаленный тогда отъ шведской Финляндіи одной Выборгской губерніей. Значитъ, съ одной стороны важно было захватить Финляндію—съ дру-

гой нужно было, чтобы захваченная страна стала другомъ, а не врагомъ — чтобы непріятель на Финляндію не могъ опереться. Какъ только русскимъ войскамъ удалось вытѣснить изъ Финляндіи слабыя шведскіе отряды, Александръ послѣднимъ обнадежилъ финляндцевъ, что они отнюдь не подвергнутся обрусѣнію — обѣщалъ имъ (манифестомъ 5—17 іюня 1808 года) сохраненіе «древнихъ установленій, странъ вѣковой собственности и *солто нами зранимыхъ*». А 16 марта слѣдующаго 1809 года въ г. Борго былъ открытъ первый сеймъ, собраніе народныхъ представителей (по средневѣковому обычаю, отъ 4 *сословій*: дворянства, духовенства, горожанъ и крестьянства). Наканунѣ его открытія была издана высочайшая грамота, гдѣ Александръ еще разъ повторилъ, что онъ призналъ за благо «вновь утвердить и удостоверить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика, по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, общаю хранить оное въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи». Ту же мысль Александръ развивалъ и въ своихъ рѣчахъ передъ сеймомъ, который онъ открывалъ и закрывалъ лично, ясно показавъ этимъ, какое значеніе онъ придавалъ примиренію съ финляндцами. А 6—18 августа того же года Финляндія получила и національное правительство, въ лицѣ финляндскаго сената, членами котораго могли быть только финляндскіе уроженцы, и дѣла котораго докладывались непосредственно императору особымъ чиновникомъ—обыкновенно финляндецъ же—помимо русскихъ министровъ. Это опять было закрѣплено «торжественнѣйшимъ обѣщаніемъ» Александра I, причемъ снова поминалось о томъ, что русскій императоръ «торжественнѣе утвердилъ конституцію и законъ» Финляндіи. Но дарованіе финляндцамъ самостоятельнаго, туземнаго правительства было важнѣе всякихъ обѣщаній: не даромъ и упраздненіе финляндской конституціи началось съ того, что русскій совѣтъ министровъ получилъ право вѣшиваться въ финляндскія дѣла, а членами финляндскаго сената стали назначать русскихъ чиновниковъ.

Финляндцы добились такимъ путемъ того, чего давно желали: Финляндія стала самостоятельнымъ государствомъ подъ покровительствомъ Россіи. Въ войнѣ 1812 года Александръ I могъ не бояться за Петербургъ. Впослѣдствіи, въ разговорахъ со своими приближенными, онъ приписывалъ даже успѣхъ Россіи въ этой войнѣ тому, что Финляндія была въ его рукахъ. Такъ правильно этотъ предшественникъ Николая II оценивалъ значеніе спокойной и расположенной къ Россіи Финляндіи съ точки зрѣнія вѣстной политики! И, къ слову сказать, русскому правительству еще разъ пришлось убедиться въ этомъ въ теченіе XIX столѣтія. Въ 1854—55 годахъ, во время Крымской войны, Балтійское море было занято англо-французскимъ флотомъ, который нѣсколько разъ появлялся въ виду Кронштадта и угрожалъ Петербургу. Англичане и французы очень хотѣли сдѣлать высадку въ Финляндію, но финляндцы оказывали имъ упорное сопротивленіе, а углубляясь во враждебную страну они не рѣшались. Такъ Петербургъ опять оказывался въ безопасности. Александръ II, какъ и его дядя, умѣлъ оценить это обстоятельство. Въ 1863 году

онъ тоже лично открывалъ финляндскій сеймъ, и въ своей рѣчи объявлялъ, «*соблюдая монархическое конституціонное начало, приустье правамъ финскаго народа*», еще расширить политическія права финляндцевъ. Онъ это обѣщаніе и исполнилъ, давъ Финляндіи особую *монету* и особое *войско*. Этимъ было еще разъ признано, что Финляндія есть особое государство, а не одна изъ русскихъ губерній, что, впрочемъ, Александръ II и самъ категорически высказалъ въ манифестѣ 3—15 апрѣля 1869 года. Въ этомъ замѣчательномъ документѣ русский царь, приходившій въ ярость при одной мысли, что его власть можетъ быть ограничена въ Россіи, для Финляндіи самъ признавалъ эту власть ограниченной *шведскими* законами 1772 и 1789 годовъ (такъ называемыя «*форма правленія*» и «*Актъ соединенія и безопасности*»). Такимъ образомъ, Александръ II признавалъ не только, что Финляндское великое княжество есть особое конституціонное государство, отдѣльное отъ Россіи, но что и своей конституціей Финляндія вовсе не обязана милости Александра I — что она перешла къ Россіи уже въ качествѣ конституціонной страны. Но чего не дали русскіе государи, того они, по здравому смыслу, не въ правѣ и отнять: послѣ торжественнаго заявленія Александра II всякая попытка русскихъ царей отнять финляндскую конституцію являлась грубымъ нарушеніемъ довѣрія, явнымъ и безстыднымъ вѣроломствомъ. Но Николай II, въ виду манифеста 1869 года, долженъ былъ признать, что его дѣлъ солгалъ либо ошибся (чего онъ не сдѣлалъ), или признать себя явнымъ нарушителемъ исконныхъ правъ Финляндіи.

Во все это время, съ Александра I до Александра II включительно, на протяжении трехъ четвертей столѣтія, о «финляндской крамолѣ» и рѣчи не было — никто и не заикался о «державныхъ правахъ Россіи» и тому подобномъ. Почему же такъ было? Конечно, не потому только, что Александръ I и II (Николай I относительно финляндской конституціи держался нейтрально: сейма не созывалъ, но и во внутреннія дѣла Финляндіи почти не вмѣшивался) были умнѣе Николая II и лучше его понимали значеніе Финляндіи въ случаѣ войны съ какой нибудь европейской державой. Если бы русское общество, т. е. командующее его классы, вспомнили о «державныхъ правахъ», государямъ пришлось бы съ этимъ считаться. Но командующимъ классамъ въ Россіи въ теченіе всего этого времени были помѣщики, а имъ съ финляндцами было нечего дѣлать и не было никакого разсчета съ ними сориться. Почва Финляндіи скудная. При всей тщательности ее обработки, финляндцы не могутъ обойтись безъ привозного хлѣба: въ 1900 году хлѣбъ и мука составляли болѣе четверти всего финскаго ввоза (26,2 % — на 71 миллионъ финскихъ марокъ, т. е. на 27 приблизительно миллионъ рублей). Но хлѣбъ и мука поставляется въ Финляндію главнымъ образомъ Россіей. Безъ всякаго принужденія, естественнымъ путемъ, Финляндія является рынкомъ для русскихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Вотъ отчего, говоря о политикѣ черносотенцевъ въ финляндскомъ вопросѣ, мы и не упоминали объ экономическихъ условіяхъ: экономика и здѣсь противъ черной сотни. Но большинство русскихъ помѣщиковъ давно уже живутъ не столько отъ сельского хозяйства, сколько эксплуатаціей крестьянъ и подачками

изъ казны: сбытъ хлѣба за границу для нихъ не такъ важенъ, какъ сохраненіе остатковъ крепостнаго права и привилегированнаго положенія дворянства въ странѣ. Оттого, напримеръ, русскіе черносотенные круги теперь дружатъ съ нѣмцами и Вильгельмомъ II — хотя нѣмцѣй помѣщикъ, въ области сельскохозяйственнаго производства, конкурентъ русскаго. Революціонная опасность со стороны Финляндіи въ глазахъ русскаго черносотеннаго помѣщика перевѣшиваетъ все экономическія выгоды дружбы съ нею. Но такъ было не всегда — такое положеніе вещей окончательно складывается лишь съ 80-хъ годовъ, съ царствованія Александра III. И съ этого же времени отношенія Россіи къ Финляндіи начинаютъ опредѣляться экономическими интересами не земледѣльцевъ, а *торгово-промышленной буржуазіи*. А эта послѣдняя относилась къ Финляндіи всегда иначе, чѣмъ помѣщики. Крупное фабричное производство начинаетъ въ Россіи играть роль при Николаѣ I (30-е—40-е годы годы XIX столѣтія): именно въ это время, въ 1835 году, принимаются первыя ограничительныя мѣры противъ Финляндіи съ русской стороны. Вывозъ финляндскихъ произведеній въ Россію былъ стѣсненъ: ихъ можно было привозить только опредѣленнымъ путемъ и въ опредѣленномъ количествѣ — въ нѣкоторыхъ случаяхъ допускались только продукты опредѣленныхъ фабрикъ. Стали строго слѣдить за тѣмъ, чтобы черезъ Финляндію не проникали въ Россію заграничныя товары. Александръ II, при всемъ своемъ расположеніи къ Финляндіи, не отменилъ, а только нѣсколько ограничилъ эти стѣсненія (постановленіемъ 31 января 1859 года). А при Александрѣ III, въ 1885 году, въ отношеніи ввоза въ Россію Финляндіи была сранаена съ заграничій: финляндскіе товары были обложены высокими, запретительными пошлинами. Въ то же самое время русскіе товары продолжали, за нѣкоторыми исключеніями, ввозиться въ Финляндію беспошлинно.

До 80-хъ годовъ русская буржуазія держалась въ финляндскомъ вопросѣ на оборонительной позиціи. Но уже тогда Финляндія являлась не только конкуренткой Россіи въ области фабричнаго производства (эта конкуренція была даже еще очень слаба), а и рынкомъ для русскихъ фабрикатовъ: въ 1882 году, въ Финляндію было ввезено русскихъ *фабричныхъ издѣлій* на 31,5 милл. марокъ. Ввозъ продуктовъ обрабатывающей промышленности составлялъ въ началѣ 80-хъ годовъ около 40 % всего русскаго ввоза въ Финляндію: т. е. промышленная буржуазія въ русско-финляндскихъ отношеніяхъ стала играть не меньшую роль, нежели помѣщики. Сохранивъ беспошлинный ввозъ для русскихъ товаровъ и обложивъ пошлинами финляндскіе, эта буржуазія думала вполнѣ оградить свои интересы. Но вышло наоборотъ. Вынесенная за русскую таможенную черту, но сама не отдѣленная таможенной стѣной отъ остальной Европы, Финляндія оказалась полемъ свободной конкуренціи между русской и западно-европейской промышленностью. И очень скоро выяснилось, что свободной конкуренціи русскій капитализмъ съ западно-европейскимъ и въ Финляндіи, какъ вездѣ, выдержать не можетъ. Вывозъ финляндскихъ товаровъ въ Россію вскорѣ опять поднялся до прежней цифры, несмотря на пошлины (47,3 милл. марокъ въ среднемъ за пятилѣтіе 1881—85 гг., 48 милл. марокъ въ 1896 г.),

вывозъ же русскихъ товаровъ въ Финляндію сильно упалъ (съ 65,4 милл. марокъ въ 70-хъ годахъ до 54,8 милл. марокъ въ 1896; въ первомъ лучшій русский ввозъ составлялъ 46,3 % всего ввоза въ Финляндію, во второмъ только 31,2 %). Проведеніе таможенной черты между Россіей и Финляндіей способствовало лишь сближенію полюдья съ Западной Европой, въ особенности съ Англіей, на которую въ послѣднее десятилѣтіе пришлось около 20 % всего финляндскаго ввоза, съ Германіей (нѣмцы суда занимаютъ теперь въ числѣ иностранныхъ судовъ, входящихъ въ финскія гавани, первое мѣсто). Этимъ достаточно объясняется заботливость о финляндской автономіи англичанскихъ торговыхъ палатъ и нѣмецко-аціональнаго союза, засвидѣтельствованная рядомъ извѣстныхъ адресовъ, приводившихся въ русскихъ газетахъ. Но этимъ же объясняется и прость русской буржуазіи, которая увидѣла, что и нея изъ подъ носу ташутъ столь жирные куски. Уже лѣтъ 10 назадъ, въ разгаръ «эры Витте» и притоговленій русскаго капитала къ походамъ и на востокъ, и на западъ, пытались поправить «шиббу» 1885 года — и, вмѣстѣ *отдѣленія* Финляндіи, *включить* ее въ предѣлы Россіи. Придравшись къ тому, что солдаты финляндской арміи не понимаютъ русскаго языка, начали съ 1899 года походъ и на финляндскую самостоятельность, ввели въ Финляндію усиленную охрану и дѣятельно стали заниматься ея обрусѣніемъ (отъ имени тогдашняго финляндскаго генералъ-губернатора, Бобрікова, эта эра получила и названіе «Бобріковщины»). Но тогда въ виду были другіе «жирные куски» — на первомъ мѣстѣ Манчжурія, — обрусѣніе Финляндіи велось не такъ энергично. А революція 1905 года оборвала его совсѣмъ. Рѣшъ временемъ, экономическое развитіе Финляндіи сдѣлало колоссальные успѣхи. Общіе торговые обороты съ 335 милл. марокъ въ 1898 г. величинились до 608 милл. въ 1908. Фабрикъ было въ 1885 г. 6227 съ 41724 раб. и 109,6 мил. марокъ производства, въ 1896 г. 7261 съ 73010 раб. и 218 мил. мар., въ 1906 г. 8827 съ 113518 раб. и 439,5 мил. мар.

Кусокъ сталъ болѣе жирнымъ и лакомымъ, чѣмъ когда бы то ни было раньше. На всѣ другіе куски въ это же время пришлось отложить надежды. Дальній Востокъ былъ потерянъ безвозвратно. Естественно, что аппетиты російской буржуазіи устремились къ Финляндіи — и что въ финляндскомъ вопросѣ она «перестолыпинила» самаго Столыпина. Заграничныя газеты въ своихъ короткихъ и неопутанныхъ «юридическихъ» подробностяхъ сообщеніями о судьбахъ финляндскаго законопроекта, вскрыли и эту тайну. Одна изъ этихъ газетъ сообщила, что въ петербургскихъ сферахъ согласны на какія угодно уступки въ пользу финляндской автономіи, кромѣ одной: Финляндія непремѣнно должна быть включена въ русскую таможенную черту. Безъ крѣпостного рынка русская крупная промышленность марки «17 октября» жить не можетъ...

Домовъ.

Аграрная политика

царскаго самодержавія

(Законъ 9 ноября).

I.

Всякому, кто читаетъ изо дня въ день русскія газеты, ясно видно, что царское правительство проводитъ важную аграрную «реформу»: то и дѣло встрѣчаешь въ телеграммахъ и корреспонденціяхъ изъ разныхъ концовъ Россіи сообщенія о томъ, какъ въ такую то деревню поскакалъ господинъ исправникъ съ господиномъ земскимъ начальникомъ («православныхъ душъ печальникомъ», — какъ поется про него въ одной мужицкой пѣснѣ). Иногда, впрочемъ, и самъ губернаторъ, не довѣряя своимъ помощникамъ, торжественно выѣзжаетъ въ ту или другую волость, свистать розги, раздаются залпы, гонятъ въ тюрьму избитыхъ и искалченныхъ крестьянъ, а убитыхъ закапываютъ въ землю... Въ ту самую черную землю, хлѣбъ родящую, которой они такъ добивались и не могли получить при жизни, и которой имъ засыпали голодные рты послѣ смерти, чтобъ не кричали эти рты о землѣ, о хлѣбѣ, о волѣ.

Возьмемъ за примѣра нѣсколько первыхъ появившихся извѣстій изъ легальныхъ газетъ:

Изъ Кишинева телеграфируютъ въ газету «Рѣчь» отъ 26 марта текущаго года:

«Между зажиточными крестьянами села „Пѣтушки“ и безземельными села „Варзарешты“ на на почвѣ пріобрѣтенія первыми отрубного участка произошелъ острый конфликтъ.»

Сообщивъ объ этомъ, услужливый корреспондентъ кадетской газеты прибавляетъ, очевидно, для успокоенія читателей:

«Свидѣннику и вызваннымъ по телеграфу властямъ удалось предупредить столкновение:

Какими мѣрами именно, газета не сообщаетъ. Но можно думать, что дѣло происходило такъ, какъ всегда бываетъ: пѣпъ «увѣщивалъ» безземельныхъ христіанскими словесами, а «вызванные» по телеграфу власти» подтвердили духовныя внушенія свѣтскими: перепоролъ половину села Варзарешты, а другую половину стащили въ тюрьму.

Въ ту же газету телеграфируютъ изъ Кіева отъ 1 мая:

«Здѣсь получены свѣдѣнія, что въ Городнянскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи, на почвѣ хуторныхъ выселеній возникли крупныя крестьянскіе беспорядки; выѣжалъ вице-губернаторъ съ войсками; происходила стрѣльба въ крестьянъ.»

Здѣсь, повидимому, обошлось даже безъ попа: черниговскіе холды давно уже извѣстны, какъ нераскаянные грѣшники, на которыхъ даже святая вода и слово божіе не дѣйствуетъ, — имъ вразумляютъ и увѣщиваютъ «стрѣльбой».

Изъ Бессарабіи и Украйны, — съ Юга Россіи, — пойдемъ на Сѣверъ:

«8 го июня, сообщаетъ газета „Псковская жизнь“, — домохозяева деревни Ольховки сорокинскіи волости, Порховскаго уѣзда, въ количествѣ 22 человѣкъ, оказали сопротивление землемѣру землеустроительной комиссіи въ его работахъ. Землемѣръ долженъ былъ прекратить занятія. На другой день землемѣръ явился съ 2-мя урядниками и 4-мя стражниками, крестьяне уже не сопротивлялись.»

Отъ 12-го іюня текущаго года изъ той же Псковской губерніи телеграфное сообщеніе на ту тему, но иного рода:

„Въ заборовской волости толпой крестьянъ убиты отецъ и сынъ Федулины, хотѣвшие противъ воли всей деревни выселиться въ отрубъ“.

Съ Сѣвера пойдемъ на Волгу.

Въ концѣ апрѣля текущаго года въ газетѣ „Русское Слово“ читаемъ извѣстіе изъ Казанской губерніи:

„Въ деревнѣ Пачинкахъ-Инеляхъ, Тетюшскаго уѣзда, между общинниками и отрубниками изъ за раздѣла земли произошло недоразумѣніе, закончившееся кровавой схваткой, во время которой одинъ крестьянинъ былъ убитъ и нѣсколько ранено.“

Изъ того же тетюшскаго уѣзда въ газету „Рѣчь“ (см. номеръ отъ 1 іюня 1910) пишутъ:

„Въ тетюшскомъ уѣздѣ на почвѣ примѣненія закона 9 ноября происходятъ частыя ссоры и драки между крестьянами въ Старомъ Яниковѣ, Полевомъ Сундырѣ, а также въ Бѣломъ Озерѣ и Нюрчегахъ. Частыя ссоры происходятъ и во многихъ другихъ селеніяхъ... Наконецъ, недавно, серьезное столкновеніе на почвѣ выдѣла изъ общины произошло въ селѣ Сюкеевѣ, куда выѣзжалъ даже губернаторъ. Здѣсь общинники утверждали, что хуторяне, загараживая свою выдѣленную „садебную“ землю, старались прихватить частичку и общественной. Общинники протестовали и рѣшили въ одинъ день идти всѣмъ обществомъ и сломать тѣ постройки у выдѣленцевъ, которыя стояли на общественной землѣ. Рассказываютъ, что родители привлекали къ участію въ ломкѣ даже дѣтей шестилѣтняго возраста и ниже, желая тѣмъ показать, что въ безпорядкахъ, де повинно все общество, включая и дѣтей.“

Рассказъ корреспондента заканчивается обычнѣйшей приказкой о томъ, что „зачинщики“ арестованы.

Заглянемъ еще въ одну губернію — Тамбовскую, гдѣ „княжить и владѣть“, какъ говорили древніе лѣтописцы, извѣстный царскій опричникъ, губернаторъ Муратовъ, мучающій и истязующій крестьянъ, какъ никто.

Въ первой половинѣ мая текущаго года, въ Лебедянскомъ уѣздѣ этой губерніи, произошла кровавая расправа съ крестьянами изъ за тѣхъ же все отрубныхъ участковъ. Въ селѣ Болотовѣ по требованію 60 домохозяевъ изъ 480, т. е. по требованію одной восьмой части селскаго схода, губернаторскій чиновникъ, членъ землеустроительной комиссіи, предписалъ произвести выдѣлъ „отрубовъ“ изъ надѣльной земли, „примечъ, — сообщалось въ газетахъ, — нарѣзаться эти участки должны были, такимъ образомъ, чтобы они непосредственно примыкали къ усадьбамъ выдѣлявшихся крестьянъ, т. е. къ нимъ отъ другихъ хозяевъ, должны были отойти лучшія, ближнія, навозныя земли.“ Остальные крестьяне, конечно, запротестовали и не дали согласія на выдѣлъ.

И вотъ, (въ первой половинѣ мая прибыли въ село власти, (непремѣнный членъ уѣздной землеустроительной комиссіи и земскій начальникъ) для принудительной нарѣзки этихъ участковъ. Крестьяне, у которыхъ отрубалась земля, воспротивились, примечъ — такъ какъ отрубаемая земля находилась въ нынѣшнемъ году подъ чудною рожью, сулившей огромный урожай, они обратились къ „начальству“ только со смиренною прось-

бою — *отложить нарѣзку земли до уборки этой ржи — до осени.* Но усердиче, неукомпетентные проводники земельной политики Столыпина и эти болѣе, чѣмъ скромныя и понятныя просьбы отвѣтили категорическимъ отказомъ и приступили къ нарѣзкѣ, примечъ чудная *рожа тутъ же была потоптана.* Это возмутило крестьянъ. Отъ мѣленой они перешли къ упорному сопротивленію категорически заявили, что добровольно не допустить нарѣзки земли.

Послано было за исправникомъ со стражниками, которые и появились въ селѣ на другое утро. Крестьяне, продолжавшіе упорствовать, толпой преградили доступъ къ спорной землѣ, выставивъ по обыкновенію, впередъ женщинъ и дѣтей.

Исправникъ приказалъ стражникамъ наступать на крестьянъ и разогнать ихъ нагайками... Началось побоище и топтаніе лошадьми бабъ и дѣтей. Изъ заднихъ рядовъ разозлившихся крестьянъ полетѣло нѣсколько камней.

Исправникъ приказалъ своей командѣ спѣшиться и дать залпъ.

Послѣ залпа оказалось: 6 человекъ убитыхъ на мѣстѣ и 15 человекъ раненыхъ, изъ которыхъ 3 также вскорѣ скончались. Большинство остальныхъ ранено тяжело.

Такъ проводитъ царское правительство во жизнь пресловутую аграрную реформу, такъ возрождаетъ оно „благополучіе деревни“ и „процвѣтаніе крестьянскаго хозяйства“, ради котораго оно, по его словамъ, издало и самый законъ 9-го ноября 1901 г. о выдѣлѣ изъ общины. А сколько еще случаевъ, подобныхъ описаннымъ выше, не доходитъ до славенной цензурнымъ намордникомъ легальной печати! Сколько жертвъ, обидъ, издѣвательствъ, насилій, совершается, сколько изгубленныхъ крестьянскихъ жизней остается въ безвѣстности на обширныхъ пространствахъ дореволюціи Россіи!...

II.

Даже по тѣмъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, какія сообщаются въ общенаружаемыхъ русскихъ газетахъ, видно, что деревня далека отъ успокоенія, что, напротивъ, аграрныя мѣропріятія правительства подбавили новаго горячаго матеріала въ тлѣющій всѣ эти годы костеръ крестьянскаго движенія. Движеніе это можетъ принять значительныя размѣры и привести къ аграрному перевороту лишь постольку, поскольку крестьянская бѣднота будетъ дѣйствовать сознательно и сплоченно, подготовляя одновременное и широкое выступленіе во многихъ мѣстностяхъ сразу.

Россійскій пролетаріатъ со своей стороны давнѣе уже понялъ, какое важное значеніе имѣетъ для осуществленія его революціонныхъ цѣлей побѣда крестьянъ надъ помѣщиками, и однимъ изъ путей своихъ требованій рабочіе выставили: передачу всей земли въ руки крестьянства безъ всякаго выкупа. Когда социалдемократія вклала это требованіе въ свою программу она вѣдала въ немъ двойное значеніе: во первыхъ, отнятіе у помѣщиковъ земли въ пользу крестьянъ дастъ огромный толчекъ къ хозяйственному подъему крестьянства, а съ нимъ и всей Россіи. Во вторыхъ, отнятіе земли у помѣщиковъ лишитъ ихъ экономической и политической власти надъ крестьянами и положитъ полный конецъ русскому *дворянскому* самодержавію.

Правительство поняло опасность осуществления своего требования и поспышало противопоставить ему другую, свою программу, которая и нашла себя выражение в закон 9-го ноября.

В чем сущность этого закона?

В том, что вместо надвигания малоземельных крестьян помщичьей землей, правительство надвигает зажиточных крестьян, — деревенских кулаков и паук-землю, — отнятую у деревенской голытьбы. Существование общины и мира, не предохраняло русскую деревню от общего порядка жизни в капиталистическом обществе, где немногие богатят насчет многих. В деревне точно также одни разорялись, попадали в лапы ростовщиков, а другие богатели, собирая в своих руках земельные наделы от более слабых и бедных. И вот, русский царь с министрами сочиняют закон, в котором говорят более сильным и богатым мужикам: „Выдвигайтесь поскорее из общины, забирайте с собою все те земельные богатства, которые вы всякими неправдами отняли у бедных соседей. Выдвигайтесь, уходите из деревни на „хутора“, делайте помщичьями!“

— А мы то как же? Мы то при чем же остаемся? — растерянно спрашивают голодные бедняки. — А до вась намъ дѣла нѣтъ! — отвѣчают имъ отъ имени царскаго правительства первый министр царя Столыпинъ. — Чѣмъ скорѣе вы переколѣте все, тѣмъ лучше! Мы ставимъ ставку на сильныхъ (подлинныя слова Столыпина въ Думѣ), на богатѣй, кулаковъ, мірѣдовъ. Мы ихъ руку держимъ, за то и они нашу руку держать будутъ, и если вы, голяки нищие, вадумаете бунтовать, они помогутъ намъ живо усмирить васъ.

Таковъ расчетъ правительства. Внести въ деревню сколку, отвлечь этой сколкой вниманіе деревенской бѣдности отъ помщичковъ, и создать себѣ новую опору въ лицѣ надежнаго и благодарнаго правительству слоя новыхъ помщичковъ-хуторянъ, — „спрыго дворянъ“, которые — надвигаются г.г. Столыпины, — пойдутъ противъ голытьбы вмѣстѣ съ прежними „бѣлыми“ дворянствомъ.

Расчетъ ловкій и хитро задуманный. Всякій сознательный рабочий долженъ хорошенечко разобратъ въ немъ, отъѣнять намѣренія самодержавія, а главное, слѣдить за тѣмъ, насколько дѣйствительно удается и удастся ли вообще правительству осуществить свои планы.

Посмотримъ же, къ чему можетъ привести эта новая аграрная реформа и, въ особенности, при водитъ ли она къ остаткамъ Революціи, къ укрѣпленію власти царско-дворянскаго правительства

III.

Понятное дѣло, нельзя отрицать того, что сколку внутри деревни правительству удастся поднѣсти своимъ закономъ очень большую. Но не надо преувеличивать все-таки этого явленія. Вѣдь и до закона въ деревнѣ шла борьба „мірѣдовъ“ съ голытьбой; и теперь вся разница въ томъ лишь, что правительство поближе вошло въ эту борьбу, вошло для того, чтобы протянуть руку помощи кулаку противъ голяковъ и малоземельныхъ. Но тѣмъ самымъ оно зато показало деревенской бѣднотѣ свою настоящую физиономію. Если раньше иной темный мужикъ, въ простотѣ

своей, думалъ о царской власти, что она „божеская“, „справедливая“, такъ теперь онъ обязательно долженъ понять, въ чемъ настоящая суть этой власти: оказывается, она дворянская, да кулацкая, издаетъ законы объ ограбленіи бѣдноты тодстосузами, называетъ свой законъ „аграрнымъ“, а на дѣлѣ законъ этотъ просто на просто „ограбительскій“, — грабительскій.

Это — первая наука отъ новой царской земельной реформы. Вторая — та, что малоземельная бѣднота должна понять, насколько ей необходимо сплотиться, чтобы защищать себя. Все на нея навалилось: чиновники, дворяне, кулаки и царь со своимъ новымъ закономъ. И если она не объединится, да не войдетъ въ союзъ съ городскими рабочими, слопаютъ ее въ конецъ со всѣми потрохами.

Думая ошарашить и оглушить мужика своей новой реформой, правительство, напротивъ, расшевелило его тугую мозгъ, растревожило окончательно его тяжелую мысль. Теперь ужъ не можетъ быть въ деревнѣ того, что было когда то, и что описать, одинъ давно умершій русский поэтъ въ своихъ стихахъ:

„Татья! Эвонъ, что народу

Собралось у кабака!

Ждутъ какую-то все свободу.

Татья! Кто она така?

— Цыцъ, нишкни! Пушай гуторятъ!

Наше дѣло сторона!

Какъ возьмутъ тебя, да вспорютъ,

Такъ узнаешь, кто она!“

Теперь, вы уже не услышите такого разговора въ деревнѣ: вопросъ о свободѣ, тѣсно связанный съ вопросомъ о землѣ, вѣрзается острымъ клиномъ въ самую гущу деревенской жизни, само правительство своими аграрными мѣрпріятіями, хуторами и отрубями все глубже и глубже вгоняетъ этотъ клинъ. И какъ бы ни хотѣлъ иной мужикъ „нишкнутъ“, какъ бы ни старался онъ уйти въ свою скорлупу, теперь онъ уже не можетъ этого сдѣлать. Вопросъ о землѣ подобрался вплотную къ самой его избѣ, къ его наделу, отъ котораго отрубаютъ „отруба“ для болѣе чѣмъ онъ „сильныхъ“ и угодныхъ начальству. Если этотъ клинъ аграрной реформы разрубаетъ деревню на двѣ части, за то онъ болѣе, чѣмъ всѣ прежнія мѣрпріятія правительства пробуждаетъ тревогу, ненависть и стремленіе къ борьбѣ въ деревенскихъ низахъ. И сознательные рабочие должны принять самое близкое участіе въ томъ, что творится въ деревнѣ. Они должны стать рядомъ съ тѣми, кого грабятъ теперь правительство при помощи аграрнаго закона, помочь деревенской бѣднотѣ въ борьбѣ за землю и волю.

Мы, социалъ-демократы, и послѣ изданія новаго закона не изменили своего прежняго взгляда на общину. Мы никогда не думали, какъ это думаютъ эсеры и другіе народники, что сельская община спасетъ мужика отъ разоренія, отъ угнетенія болѣе сильными сосѣдями. Мы не думали, что черезъ общину мужикъ придетъ прямо къ социализму, минуя горькую чапу жизни подъ гнетомъ капитала. Мы видели, что въ общинѣ уже давно ворвался вихрь капиталистическаго накопленія, конкуренціи, соперничества, борьбы. Но изъ этого не слѣдуетъ, конечно, будто мы чуть не радуемся должнъ тому, что царскій законъ ускоряетъ разрушеніе общины. Мы про-

тивъ всякаго насилія чиновниковъ надъ народною жизнью, противъ всякаго усиленія гнета надъ беднѣйшей частью деревни въ пользу болѣе богатой ея части. Мы стоимъ за то, чтобы не казенные чиновники рѣшали аграрный вопросъ, великій и мудреный вопросъ о землѣ, а чтобы его рѣшили сами крестьяне, чтобы рѣшался онъ не въ канцеляріяхъ и не въ полицейскихъ управленіяхъ, а въ народныхъ комитетахъ, свободно избранныхъ самими крестьянами. И объ этомъ рабочіе должны сказать крестьянамъ. Но мы и не пугаемся того, что дѣлаетъ правительство. Мы знаемъ, что все это обернется противъ него же, что чѣмъ глубже будетъ вбывать оно клинъ своего аграрнаго беззаконія въ деревню, тѣмъ шире откроется мужицкая душа для революціоннаго призыва, съ которымъ обращается къ ней рабочий. Не миръ и „успокоеніе“, а мечъ и борьбу принесетъ въ русскую деревню новый царскій законъ.

IV.

Итакъ, въ политическомъ отношеніи новый законъ не останавливаетъ, а напротивъ усиливаетъ распространеніе недовольства и революціонныхъ идей среди деревенскаго населенія.

Посмотримъ теперь, къ чему можетъ привести онъ въ экономическомъ, то есть въ хозяйственномъ отношеніи. Даетъ ли онъ выходъ изъ тяжелой петли разоренія, нищеты и кабалы, въ которую затянутъ русскій мужикъ?

Прежде всего надо знать, насколько быстро идетъ новая реформа? По самымъ послѣднимъ, какія опубликованы, даннымъ министерства внутреннихъ дѣлъ, съ 9-го ноября 1906 г. по 1 марта 1910 года занято требованіе о выдѣлѣ изъ общины 1795000 домохозяевъ, изъ которыхъ перешли уже къ личной собственности 1207000 домохозяевъ, владѣющихъ въ общей сложности 8919000 десятинами земли. Другими словами за эти 3 1/2 года дѣйствія новаго закона успѣли выдѣлиться изъ общины пока только около 1/3 общей массы крестьянства, владѣющаго надѣльной землей. Эта цифра, сама по себѣ, не очень велика, въ особенности, если не забывать, что правительство и дубоѣмъ, и рублемъ заставляло крестьянъ выдѣляться. Если же принять во вниманіе еще естественный приростъ населенія деревни и то обстоятельство, что каждый годъ подрастаютъ новые миллионы тротъ, желающихъ хлѣба, и рукъ, желающихъ работать на землѣ, то станеть ясно, что выдѣленіе одной восьмой общинниковъ изъ общины за эти 3 1/2 года земельной тѣсноты не убавило.

Далѣе, правительство говоритъ, что главная цѣль новаго закона — это не просто выдѣленіе изъ общины, а выдѣленіе для того, чтобы выдѣляющийся могъ завести самостоятельное „хуторское“ хозяйство. Но оказывается, что далеко не всѣ выдѣляющіеся идутъ на „хутора“ и „отруба“, а что такихъ охотниковъ нашлось далеко меньше половины выдѣляющихся (около 40%). Значитъ и эта цѣль реформы пока достигается мало.

Но даже и многіе изъ тѣхъ, кто выдѣлился не для того, чтобы просто продать землю и уйти. съ нея въ городъ, а чтобы поставить на ней хозяйство по новому, стать „сѣрымъ дворяниномъ“, даже изъ-нихъ у многіхъ нѣ черта не выходитъ. Дѣло въ томъ, что есть двоякаго рода „хуторяне“. Одни — зажиточные, кулаки, хозяйственные му-

жики, съ оборотнымъ капиталомъ, съ хорошимъ скотомъ и орудіями, съ батраками наемными. У такихъ „хутора“ идутъ. Но у нихъ и до выдѣла, до новаго закона дѣло шло какъ по маслу: разживались себѣ, богатыли, закабалили всю округу. За то для другого сорта выдѣляющихся законъ 8-го ноября не принесъ спасенія. Это — тѣ, что побѣдѣ, что изъ послѣднихъ жилъ и силъ потянулись на отруба и хутора, продавши все, что можно было продать изъ прежняго хозяйства, влѣзши въ долги по уши, лишь бы завести „свое“ новое хозяйство. Безъ оборотнаго капитала и хорошаго скота они поковыряются-поковыряются въ своемъ „отрубѣ“ годъ-другой, а потомъ кинутъ его, отдадутъ сосѣднему пауку за долги и превратятся изъ „сѣрыхъ дворянъ“ въ бездомныхъ, красныхъ пролетаріевъ.

Такъ оно бываеъ уже и теперь очень часто. Когда въ прошломъ и въ нынѣшнемъ году земства разныхъ губерній (Псковской, Самарской, Черниговской и др.) и частные изслѣдователи стали производить осмотры свѣжеиспеченныхъ отрубныхъ и хуторскихъ хозяйствъ, то оказалось, что хозяйства эти идутъ хорошо только у зажиточныхъ, а у тѣхъ, что побѣдѣ, ничего не выйдеть. Голодаютъ они на своихъ „отрубкахъ“ какъ и на „надѣлкахъ“ голодали, а вмѣсто „хуторовъ“ и „фермъ“ многіе въ шалапахъ и землянкахъ живутъ. Вѣдь тѣбѣ и образцовое хозяйство. Большинство такихъ описаній заканчивается заявленіемъ, что „улучшенія“ хозяйства пока не замѣтно. Ну, что жъ, „ждали пока, подождемъ и по-та“, — говорится въ пословицѣ. Подождемъ и увидимъ, какъ зажиточные хуторяне слопаютъ и погоняютъ съ мѣстъ этихъ менѣ „сильныхъ“ сосѣдей.

Значитъ, пока еще у насъ нѣтъ основаній думать, будто правительству удастся ослабить земельную тѣсноту и привести хозяйство большинства крестьянъ къ подъему. И мы по-прежнему будемъ отстаивать свое требованіе: передачу крестьянской бѣднотѣ всей казенной, удѣльной, монастырской и помѣщичьей земли; передачу съ даромъ: рѣшеніе аграрнаго вопроса самимъ народомъ, въ избранныхъ всеобщимъ голосованіемъ комитетахъ. А къ этому надо добавитъ еще финансовую реформу, чтобы снять съ мужицкихъ плечъ бремя податей и налоговъ. Тогда онъ, дѣйствительно, сможетъ улучшить свое истощенное въ концѣ царствъ и дворянами хозяйство.

Прямой интересъ для рабочихъ, чтобы аграрный вопросъ былъ рѣшенъ революціоннымъ путемъ. Вѣдь тотъ путь, по которому его хочетъ направить правительство, крайне невыгоденъ для городского пролетаріата. Выдѣлы изъ общины и обезземеленіе значительной части крестьянства гонить изъ деревни толпы ищущихъ работы въ города и фабрично-заводскіе округа. Капиталисты будутъ пользоваться и уже пользуются этимъ наплывомъ рабочихъ рукъ для того, чтобы покупать подешевѣ рабочую силу. Сбавка расцѣнокъ, удлинненіе рабочаго дня, вотъ къ чему приведетъ царская аграрная „реформа“. Правда, въ конечномъ счетѣ, увеличеніе безработной и рабочей арміи дастъ себя знать, и ушедшіе съ земли крестьянскіе дѣти превратятся въ городахъ въ борцовъ за социализмъ. Это понимаютъ даже сами капиталисты. По крайній мѣртъ, извѣстный московскій биржевикъ Крестовниковъ уже пугаетъ правительство, что оно слишкомъ поторопи-

дось со своими „отрубамъ“ и выдѣлами. — Вы гоните крестьянъ съ земли, они пойдутъ въ городъ, а мы (т. е. капиталисты) при застоя промышленности не сможемъ дать имъ работу и, использовать ихъ трудъ! — говорилъ онъ въ своей рѣчи, — и пугалъ царскихъ министровъ неизбѣжнымъ обостреніемъ рабочаго вопроса.

Все это вѣрно. Вѣрно, что правительство, поголовно состоящее изъ дворянскихъ недорослей, изъ грубыхъ и тупыхъ чинодраловъ, само себя бьетъ, въ конечномъ счетѣ, всѣми своими реформами. Но „пока солнце взойдетъ, роса очи выѣстъ“. Пока выброшенная изъ деревни, голодная, малочисленная масса, превратится въ сознательный пролетариатъ, пройдетъ не мало времени. И этихъ временехъ капиталисты, пользуясь дешевой и обиліемъ рабочихъ рукъ, отберутъ назадь тѣ улучшения, какихъ добились рабочіе. Поэтому, для городскихъ рабочихъ, повторяемъ, прямой рассчетъ, чтобы земельный вопросъ былъ рѣшенъ не такъ, какъ хочетъ самодержавіе, а такъ, какъ хочетъ социаль-демократія. Тогда не только крестьянѣмъ, но и самимъ рабочимъ легче будетъ жить и бороться.

И такъ, за дѣло, товарищи. Пусть каждый, кто цѣлитъ связи съ деревней, личнымъ словомъ разъясняетъ крестьянамъ „ограбную“ политику царяма, пусть описываетъ въ рабочихъ газетахъ и листкахъ всѣ тѣ случаи примѣненія новаго закона, какіе ему извѣстны. Пусть учитъ крестьянъ писать прокламаціи, организовывать кружки и комитеты. Пусть помогаетъ этимъ крестьянскимъ организациямъ связываться съ социаль-демократической партией, а сельскихъ рабочихъ, гдѣ они есть, пусть прямо зоветъ въ пролетарскія организации подъ знамя Россійской Социаль-демократіи.

Петръ Ал.

Кризисъ и безработица

Всякому сознательному рабочему уже извѣстно, что на протяжении всей исторіи капитализма, путь его залитъ потоками крови, заваленъ горами судоносно скорченныхъ тѣлъ, окровавленными обрывками человеческого мяса. Капитализмъ порождаетъ ужасающую нищету, преступленія, проституцію съ утонченнымъ развратомъ, безчисленные самоубійства... Безработица — родное дѣтище того же капитализма; безработица, — это резервная, запасная армія, необходимая капиталу для его развитія, безъ которой онъ не могъ бы двигаться впередъ, поэтому она — неизмѣнный спутникъ капитализма и, какъ тѣнь, слѣдуетъ за нимъ вездѣ и всюду. Въ своемъ движеніи впередъ капитализмъ разоряетъ мелкихъ собственниковъ-крестьянъ, кустарей и ремесленниковъ, втягиваетъ въ работу женщинъ и дѣтей, изъ самыхъ удаленныхъ и отсталыхъ уголковъ страны притягиваетъ, собираетъ въ города рабочія силы и этимъ увеличиваетъ рабочую армію до огромныхъ размѣровъ. Но наряду съ этимъ онъ совершенствуетъ машины, рабочія руки становятся ненужными, лишними. Растетъ разореніе мелкой собственности; потребление продуктовъ, которое при капитализмѣ возможно только при условіи покупки этихъ продуктовъ за деньги, не поспѣваетъ за развитіемъ усовершенствованныхъ машинъ, создается переизбытокъ товаровъ, и огромныя толпы рабочихъ становятся ненужными капиталу. Количе-

ство безработныхъ все время колеблется, — въ періодъ расцвѣта промышленности уменьшается, въ періодъ кризиса — увеличивается, дохода до сотенъ тысячъ.

Кризисы въ капиталистическомъ обществѣ повторяются периодически и чѣмъ болѣе капитализмъ развивается, тѣмъ болѣе затяжной характеръ они носятъ.

Армія безработныхъ въ такіе періоды доходитъ до гигантской численности, а ея бѣдствія становятся невыразимо жестокими... Но вмѣстѣ съ указами голода, капитализмъ въ своемъ развитіи несетъ и освобожденіе рабочихъ. Увеличивая день ото дня рабочую армію, онъ все больше увеличиваетъ и общественное значеніе рабочаго класса, увеличиваетъ его силу, уменьшая силу другихъ классовъ и группъ. И въ то же время путемъ развивающейся концентрации капитала, путемъ объединенія производства въ меньшее числѣ предприятий, — онъ подготавливаетъ общественную организацию производства, т. е. подготавливаетъ переходъ его въ руки всего общества, гдѣ рабочихъ будетъ въ то же время хозяиномъ.

Но это — жизнь будущаго, до котораго намъ нужно еще дойти, это — нашъ маякъ, къ которому мы должны стремиться, чтобы освободиться отъ всего гнета капиталистическаго общества; это — путеводная звѣзда, которую мы не должны терять изъ виду, чтобы не сбиться съ пути. Дойти до желанной пристани освобожденія, мы можемъ только черезъ неуклонную, постоянную борьбу, которая потребуетъ отъ насъ огромнаго количества силъ, жизней. И вотъ, чтобы достигнуть освобожденія съ меньшей затратой силъ, съ меньшими страданіями, чтобы не такъ остро переживать муки, голодной жизни, чтобы облегчить себѣ борьбу за достиженіе свободы, мы рабочіе должны еще и при капитализмѣ стараться поднять свое экономическое положеніе, а для этого надо хорошо его знать и понимать, — надо, значитъ внимательно присматриваться къ урокамъ нашей дѣйствительности, къ шестію капитализма нашей страны. Изученіе фактовъ обыденной общественной жизни намъ легче всего поможетъ вскрыть ея истинную подоплеку, поможетъ раскрыть европейскій изыанный костюмъ, сорвать вывѣски и ярлыки, въ которые облакаетъ ее нашъ заклятый врагъ — буржуазія, прикрывая грязь и страданія красивыми словами о высшей цивилизаціи, высшей культурѣ.

Попробуемъ же сгруппировать хоть частицу фактовъ, которые удалось намъ собрать изъ нашей жизни.

Россія переживаетъ теперь кризисъ, который, хотя и идетъ параллельно съ движеніемъ міровой промышленности, подвергается тѣмъ же колебаніямъ, но все-таки въ значительной степени, зависитъ также отъ своеобразныхъ условій развитія нашей страны.

Кто хоть сколько нибудь слѣдилъ за экономической жизнью Россіи, знаетъ, что русская промышленность развивалась подъ сильнымъ вліяніемъ правительственныхъ субсидій, концессій, гарантированныхъ облигацій, казенныхъ заказовъ, и поэтому нашъ кризисъ имѣетъ самую тѣсную связь съ кровавой политикой царизма. На своемъ 4-омъ съѣздѣ 1909 года промышленники говорили, что неизмѣнное пониженіе доходности нашихъ торгово-промышленныхъ предприятий дѣлаетъ все болѣе выгоднымъ брать капиталъ изъ промышленности

и покупать на него государственные бумаги. Эти заявления наглядно отражают въ себѣ паразитическій характеръ нашего крупнаго капитала, привыкшаго жить за счетъ „казны“. Фабриканты думаютъ найти выходъ изъ кризиса въ усиленномъ ограбленіи народа правительствомъ, которое, выкачивая подати и налоги, будетъ платить имъ, безъ всякой заботы съ ихъ стороны, проценты по государственнымъ бумагамъ. Ну, что же, для нихъ это пока, можетъ быть, и выходъ; но намъ, рабочимъ приходится смотрѣть на кризисъ иначе.

Разсмотримъ состояніе промышленности въ Россіи и экономическое положеніе рабочаго класса въ данный моментъ.

Начнемъ съ мануфактурной отрасли, занимающей одно изъ первыхъ мѣстъ въ нашей промышленности. Въ началѣ 1909 года газеты писали: „Еще на нижегородской ярмаркѣ была замѣчена небывалая заманка съ мануфактурными товарами, съ сырьемъ и съ фабрикатами“. „Изъ такихъ крупныхъ торговыхъ центровъ, какъ Харьковъ, Одесса, Елизаветградъ, сообщалось, что торговля прошла изъ рукъ вонъ плохо“, „остатки товаровъ значительны“, „виды на будущее неопредѣленны“. Отсутствіе сбыта товара естественно побудило фабрикантовъ-мануфактуристовъ приступить къ сокращенію производства. Такъ вичугскій и кинешемскій промышленные районы съ 1-го января 1909 года сократили производство на одинъ день въ недѣлю. Ивановскіе фабриканты еще до января 1909 года всякими способами стали сокращать производство. Московскіе фабриканты предполагаютъ устроить большой перерывъ, пользуясь Пасхою. Петербургскіе фабриканты уже въ декабрѣ распустили вторую смѣну ткачей и сейчасъ переходятъ къ заправкамъ на миткаль, какъ ткань наиболее дешевую“. Вотъ еще нѣсколько фактовъ: „На Каретниковской мануфактурѣ въ Тейковѣ (6000 рабочихъ) работы были окончены передъ Пасхою на 5 дней раньше, чѣмъ въ прошломъ году и возобновятся только въ маѣ. Муромская льнопрядильная мануфактура (1220 раб.), т-во Юсифа Сенькова въ Вязникахъ (1200 раб.), Лежневская мануфактура въ костромской губерніи будутъ бездѣйствовать цѣлый мѣсяцъ („Рѣчь“ № 86, 1909).

Въ апрѣлѣ того же года корреспонденція въ „Русскомъ Словѣ“ изъ Иваново-Вознесенска сообщала: „Сокращеніе числа рабочихъ дней въ недѣлю примѣняется въ широкихъ размѣрахъ. Временно закрываются Товарищество ткацкой мануфактуры, фабрики Зубкова, Фокина, Нефедова, Ямоновскаго. Масса безработныхъ. Рабочимъ приходится побираться Христовымъ именемъ“. Изъ Богородска, московской губерніи, сообщаютъ: „Въ городѣ много безработныхъ. На фабрикѣ Шибаева переходъ со смѣнной на денную, Тюляева — совсѣмъ приостановлена; фабрика Елагина послѣ Пасхи не начинала работать. Другіе фабрики вмѣстѣ 6 дней въ недѣлю работаютъ 5 дней. Даже огромная фабрика Ко Богородско-Глуховской мануфактуры сократила число рабочихъ на 100 человѣкъ (24 апрѣля 1909 г.).

Такимъ образомъ, въ корреспонденціяхъ 1909 года картина наступившаго въ русской мануфактурѣ кризиса вырисовывается вполне отчетливо. Посмотримъ дальше, что намъ даютъ свѣдѣнія за 1910 годъ. Съ Ирбитской ярмарки сообщаютъ: „Бурное настроеніе смѣнилось пессимистическимъ,

Прежде всего, смутили извѣстія о неплатежахъ со стороны сибиряковъ; мануфактуристы и въ началѣ неохотно торговали, а послѣ этихъ извѣстій сдѣлались еще сдержаннѣе“ („Рѣчь“ № 34, 1910 г.). Въ № 55 „Русскихъ Вѣдомостей“ за этотъ же годъ изъ того же Ирбита сообщаютъ: „Мануфактуристы, несмотря на отсутствіе на рынкѣ серьезныхъ конкурентовъ, торговали по сравненію съ прошлымъ годомъ процентовъ на 20 ниже“. Въ той же газетѣ (№ 57, 1910 г.) сообщаютъ о мануфактурѣ: „Дѣла плохи, торговли нѣтъ, замѣчается стремленіе сократить производство“. А вотъ замѣтка изъ хроники за самое послѣднее время („Рѣчь“, № 171, 25 іюня 1910 г.) „На Балашовской мануфактурѣ, въ селѣ Никольскомъ, рабочимъ объявлено о сокращеніи работъ. Начиная съ 19 мая по 1 октября, работы не будутъ производиться по понедѣльникамъ и субботахъ. Мануфактура эта занимаетъ большее количество рабочихъ“.

Какъ видно изъ приведенныхъ корреспонденцій состояніе мануфактуры и въ настоящемъ году не проявляетъ признаковъ подъема. Причина этого кризиса понятна: она лежитъ не столько въ перепроизводствѣ товаровъ, сколько въ обнищаніи низовъ, главныхъ потребителей мануфактуры, работающихъ преимущественно дешевый крестьянскій товаръ.

Перейдемъ къ металлургической промышленности.

Не будемъ здѣсь распространяться объ Уральской горной промышленности, всякій читающій газеты знаетъ, что всѣ уральскіе посессионные заводы съ патріархальной промышленной стариной гибнутъ; спасти ихъ отъ разоренія можетъ только полнѣйшая реорганизация. Кадры безработныхъ растутъ, нѣтъ никакихъ признаковъ улучшенія, рабоче население судорожно бьется въ когтихъ безразличнаго голоднаго вымирания. Проблѣвокъ оживленія промышленности нѣтъ, кризисъ быстро совершаетъ разрушительную работу въ отсталомъ производствѣ. Но и въ остальныхъ металлургическихъ районахъ дѣла плохи. Въ своемъ докладѣ акціонерамъ азовско-донского коммерческаго банка, правленіе его говоритъ: „Металлургическая промышленность, за исключеніемъ небольшого числа предприятий достаточно оправившихся, пребывала въ застоѣ“, „имѣвшіяся въ связи съ обильнымъ урожаемъ надежды на сбытъ издѣлій не оправдались“.

Хотя въ номерѣ отъ 17 іюня этого года „Рѣчь“, въ отдѣлѣ торговопромышленныхъ вѣстей, указываетъ въ области металлургии, нѣкоторое наступившее просвѣтленіе, но оказывается, что оживленіе это коснулось лишь одного продукта — сортового желѣза, прочее же все еще въ застоѣ.

Заглянемъ теперь въ каменноугольную промышленность.

На протяженіи послѣднихъ мѣсяцевъ во всѣхъ газетахъ все время писали о небываломъ угольномъ кризисѣ. На послѣднемъ чрезвычайномъ собраніи сѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи докладчикъ Фонъ-Дитгаръ о разразившемся угольномъ кризисѣ отзывался „какъ о неимѣющемся въ исторіи себѣ подобнаго“. Кризисъ охватилъ нѣсколько районовъ, какъ-то: донецкій, криворожскій, колымусскій, таганрогско-хрустальный, макѣевскій; уволены десятки тысячъ рабочихъ. Оставшіеся находятся въ ужасныхъ условіяхъ: работаютъ по 12 часовъ тяжелой и опасной ра-

боты под землей, в сырости, холоде и тьме, за пониженную плату." „Киевская Мысль" (№ 103, 1910 года) в статье „Углубленный кризис" сообщает, что в татарино-хрусталиновском округе из 13000 человек рабочих уволено около 3600, в маглевском и колмыкском — больше 5000, в воронежско-донецком из 15000 уволено 3600 человек. В общем за год число рабочих понизилось на 28000, или на 20%. Также же сообщается: „Около тридцати тысяч рабочих остались без работы, вместе с семьями голодных, значить около 150.000 душ; и ухудшилось положение оставшихся в производстве 113000 рабочих — увеличен их рабочий день". Вся тяжесть кризиса ложится свинцовым гнетом на спины голодных рабочих. Вследствие продолжающегося угольного кризиса в ефимовском и желтопольском рудниках (Юзовка) заработная плата углеполю понизилась на 20-25 % („Речь" № 93, 1910 года).

Нефтяная промышленность тоже переживает бо́льшую потрясенность. Стремительно падает цена нефти, с 20 коп. понизилась до 14 коп. за пуд. При увеличении добычи нефти вывоз ее из Баку уменьшился не только относительно, но и абсолютно. Потребление внутри России уменьшилось. Это факт неоспоримый. Объясняется он общим упадком промышленного развития страны. Нельзя сказать, что нефть вытесняется углем, так как и на уголь спрос понизился. В стране происходит общее уменьшение потребления топлива вследствие ослабления темпа промышленного развития („Речь" № 116, 1910 года).

Из доклада правления волжско-камского банка видно, что состояние нашей промышленности и в других производствах тяжелое. Так, мукомольная промышленность переживает во многих местах кризис.

В начале текущего года в промышленном обзоре газеты „Речь" мы читали: „Несмотря на хороший урожай истекшего года и на немалые хорошие виды на новый урожай, все еще не замечено улучшения нашей промышленности. Некоторые отрасли переживают ныне небывалый кризис. Кризис топлива принял бо́льшие размеры. Особенно чувствителен кризис каменноугольной промышленности. Нефтепромышленники тоже вряд ли могут ожидать своего улучшения. Мало утешительного можно сказать и о машиностроительной промышленности. Из отчета синдиката „Продавон" видно, что отпуску вагонов понизился с 25.625.069 руб. в 1908 году до 20.426.980 руб. в 1909 году. Почти во всех отраслях машиностроительных обществ было отмечено понижение заказов на паровозы".

Другая газета, „Киевская Мысль" в начале мая отмечает еще один интересный факт: „Грузовое движение на юго-зап. жел. дор. в 1910 г. по сравнению ослабевает. На бо́льших товарных станциях и в дело скопилось много свободных товарных вагонов. Сокращение движения замечается также и на моск.-киев.-ворон. ж. д. Забыть же сильно уменьшился перевозка хлебных грузов. В связи с этим уволено много рабочих на той и другой дорожке. Мастерские не вырабатывают и половины того, что им приходится получать в обычное время. В некоторых мастерских работают 4-5 дней в неделю".

Все это очень ярко свидетельствует об угнетенном состоянии промышленности. Нужно иметь в виду, что юго-зап. жел. дорожка обслуливает австрийскую и румынскую границы, а также черноморские порты, и охватывает огромный промышленный район южной России, вместе с хлебной Новороссией. Сокращение движения на этой дорожке говорит о крайне слабой промышленной деятельности охватываемого ею района.

Ко всему этому надо прибавить, такая неблагоприятная для земледельческой страны факты, как из года в год возростающий до последнего случайного урожая привоз хлеба из-за границы или „мясной голод", выразившийся в еще более поразительном факте появления на петербургском рынке привозного мяса из Новой Зеландии, — если прибавить все это, то станет ясным до какого глубокого расстройства дошли производительные силы нашей страны.

II

Мы рабочие должны считаться с тем обстоятельством, что разстройство нашей промышленности не теоретический для нас вопрос, а вопрос шкурный, который непосредственно отражается на повседневных кровных интересах нашей жизни. А до каких ужасов доходит проявление промышленного кризиса и связанных с ним безработицы, голода и нищеты, это легко понять из первых попавшихся обычных фактов. Вот телеграмма из Екатеринбурга. „Вследствие безработицы многие семьи переживают голод, хлеб пекут пополам с мякиной". Из Питера сообщают, что безработица достигает громадных размеров. В Колпинь, в конце 1909 года свирепствовала холера. Губернатор „лично убедился в том, что одной из главных причин эпидемии является безработица: свыше 1000 рабочих с семьями остались без всяких средств к жизни и буквально голодают". С буховского завода сообщают, что с 14-апреля 1910 года никаких работ, кроме ремонтных производиться не будет, вследствие малого количества заказов". Из Севастополя сообщают: „Севастополь переполнен массой безработных и бедных" („Русск. Вѣд.", апр. 1910 г.).

Рабочие Нижне-Салдинского завода посылают депутату Егорову телеграмму: „Средств к существованию нет никаких; голодные, не в состоянии работать". Из Николаева сообщают: „о разрастающейся безработице". Из Риги пишут: „Рабочий люд переживает сильную безработицу, бывают нередко случаи смерти от голода".

Из Лодзи, Бѣлостока и из чѣлаго ряда других городов пишут о безработице и развращающемся на этой почве голоде. В „Киевской Мысли" (3 декабря 1909 г.) пишут: „В одной петербургской мясной лавке произошел дикий эпизод, возмущенный на почве голода. В лавку вошел обыкновенный старик-нищий и стал просить у хозяина милостыни. Получив отказ, он стал браниться. Приуставовавший тут покупатель Матвеев стал грубо выталкивать ничего из лавки. Ожесточенный нищий вынул из кармана десять пальцев своих рук в голову Матвеева и вилась зубами в его губы так, что откусил верхнюю губу до самого носа. Выплюнув губу, голодный старик в наступлении

сталь гнать руки и лицо окровавленного покупателя. Так отблещает газетная хроника „обыденное“ явление жизни, не вскрывая его природы. Но стоит только задуматься над причинами, породившими этот факт и перед вами раскроется картина существования рабочего, судорожно бьющегося въ тисках капиталистическаго строя. Жизнь его не сложна. Лѣтъ 16 поступать на заводъ здоровымъ юношей, полнымъ силъ. Дальше тяжелый трудъ, полуголодная жизнь, постепенное истощение и въ результатъ обезилень, выжатый, какъ лимонъ, изнуренный, какъ старая ветошь, уже негодная къ употребленію, онъ выбрасывается на улицу. Потомъ собираніе милостыни, голодное существованіе, доводящее до иступленія.

Вотъ еще случай: „Противъ д. № 8 по Забалканскому пр., на глазахъ прохожихъ, старикъ рабочий Иванъ Григорьевъ, одѣтый въ рубище, бросился подъ ѣхавшій полнымъ ходомъ вагонъ электрическаго трамвая. Вагоновожатый во время затормозилъ, отпустивъ предохранительную рѣшетку. Григорьевъ упалъ въ безсознательномъ состояніи. Приведенный въ чувство, старикъ разсказалъ, что три дня ничего не ѣлъ. Многие изъ публики оказали ему помощь“ („Рѣчь“, 22 марта 1910 года).

Каждый изъ васъ, рабочіе, читающій газеты встрѣчаетъ эти факты почти ежедневно десятками, а сколько фактовъ, которымъ никогда не суждено попасть въ печать! Такъ льется кровь рабочаго тихо, безъ всякаго крику, удобряя почву для сытыхъ буржуа вмѣстѣ съ ихъ союзникомъ — кровавымъ паразитомъ.

Въ докладѣ о самоубійствахъ въ Одессѣ, сдѣланномъ въ одномъ изъ засѣданій Общества Одесскихъ Врачей, докторъ Островскій выяснилъ, что изъ 1915 собранныхъ случаевъ первое мѣсто среди мотивовъ къ самоубійству, занимаютъ матеріальная нужда — 24%, второе мѣсто — алкоголизмъ, который тоже развивается на почвѣ нищеты, что считается доказаннымъ статистическими данными. Изъ зарегистрированныхъ докторомъ Жбанковымъ въ Россіи 3325 самоубійцъ — 932 рабочихъ, 439 крестьянъ, 320 проститутокъ („Кіевск. Мысль“, 28 марта 1910 г.). Больше половины изъ нихъ, какъ видно, принадлежатъ къ самому нуждающемуся слою, и ясно для всякаго, что главнымъ мотивомъ самоубійствъ среди нихъ была нужда.

А вотъ вамъ петербургскій градоначальникъ, ведущій борьбу противъ эпидеміи самоубійствъ запрещеніемъ продажи уксусной эссенціи. Этотъ бюрократъ думаетъ, что съ голодомъ можно бороться при помощи излюбленныхъ и единственно доступныхъ полицейскому средствъ: тащить и не пущать.

До какой степени истощенія дошелъ народъ показываютъ любопытныя статистическія данныя о привозѣ въ Москву хлѣба. „Такъ, въ 1907 г. было въ Москву привезено 5,8 пуда пшеничной муки на одного жителя и 5,76 пуда ржаной. Выпеченнаго хлѣба приходилось на каждаго жителя 16,2 пуда. Въ слѣдующемъ году привезено только 3,5 пуда пшеничной муки и 6,27 ржаной, изъ которыхъ было выпечено 14,1 пуда на каждаго жителя. Такимъ образомъ, въ 1908 году потребленіе хлѣба уменьшилось на 1,1 пуда на человѣка. Въ то же время соотвѣтственно уменьшилось и употребленіе населеніемъ мяса. Такого недостатка не наблюдалось въ Москвѣ съ 1776 года“ (Де-

кабрь 1909 года. „Н. Русь“). Въ Петербургѣ санитарнымъ врачемъ отмѣчено, что въ теченіе 27 лѣтъ не наблюдалось такого голода рабочихъ, что значительное количество рабочихъ питается исключительно хлѣбомъ и водой.

А что творится по всей Россіи, не каждый изъ насъ можетъ себѣ представить, — при отсутствіи точной статистики нѣтъ возможности знать настоящее положеніе дѣлъ. Посмотрите, напримеръ, что смогъ установитъ при всей скудности матеріала, членъ Государственнаго Совѣта Ротвандъ, который по порученію подоходной комиссіи Совѣта, составилъ обширный докладъ объ общемъ экономическомъ состояніи страны въ связи съ обзоромъ государственной росписи на 1909 годъ.

„Слабое развитіе торговли, — говорится въ докладѣ, — и промышленности не привлекаетъ сельскаго населенія въ города, и сельское хозяйство, лишненное городского потребитѣля, не развивается“. Въ результатъ, въ деревняхъ уже „не хватаетъ работы для 7.000.000 рабочихъ обоаго пола съ 17.000.000 членовъ семействъ“.

„У насъ же на этотъ кризисъ не только не обращаютъ вниманія, но въ лихорадочномъ пріисканіи новыхъ налоговъ даже вносятъ въ законодательныя учрежденія проекты новыхъ обложеній. Въ результатъ мы видимъ, что изъ ничтожнаго, почти нищенскаго средняго дохода одной души, составляющаго въ Россіи 60 руб. въ годъ, на государственныя и общественныя налоги и другія подати отнимается по крайней мѣрѣ, въ среднемъ 25%, а съ промышленности и торговли — болѣе 40%. Затѣмъ „остается въ среднемъ на все содержаніе и все нужды каждаго отдѣльнаго лица всего паробнаселенія немного болѣе гривенника въ сутки“.

Такого положеніе дѣлъ. Мы думаемъ, что Ротвандъ никто не упрекнетъ въ преувеличеніи: занимаая постъ члена Госуд. Совѣта, онъ скорѣе можетъ имѣть склонность показывать факты въ болѣе розовомъ свѣтѣ, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ.

На почвѣ расширяющейся безработицы растутъ и проституція. Торговля живымъ тѣломъ принимаетъ у насъ все болѣе размѣры. И когда вы обратитесь къ первымъ попавшимся цифрамъ, то и онѣ вамъ покажутъ, что подавляющее большинство женщинъ идутъ въ проституцію по нуждѣ. Главными поставщиками ея являются низы населенія. Въ Петербургѣ въ 1908 году вновь зарегистрированныхъ было 472, изъ нихъ 387 крестьянокъ, 76 жѣданокъ, изъ другихъ сословій было только 9 человѣкъ. На задаваемые имъ вопросы, что ихъ заставило избрать этотъ путь, въ самомъ подавляющемъ большинствѣ онѣ отвѣчали, что это были нужда, плохой заработокъ, тяжелая уловия жизни. Секретарь попечительнаго совѣта Петербургскаго дома милосердія Захаровъ отмѣчаетъ, что „изъ ближайшихъ губерній ежедневно пріѣзжаютъ на зиму въ Петербургъ крестьянки для занятія проституціей. Лѣтомъ онѣ возвращаются на родину, на сельскія полевые работы. Онѣ охотно регистрируются, чтобы сохранить свое здоровье“. Тутъ ясно видно, что заставлятъ ихъ заниматься проституціей, — недостатокъ, нужда.

Куда вы ни загляните, вездѣ видите разстройство народнои жизни, хирѣе, мучительный голодъ. На Пироговскомъ съѣздѣ дѣлакъ докладъ докторъ Петровскій о неврастении народныхъ массъ въ Россіи: „На основаніи своихъ наблю-

дений в киевских больницах, и богатых статистических данных, докладчик пришел к заключению, что господствующее мнение о том, что неврастения — удель исключительно средних и высших культурных классов, — предрасудок. По данным докладчика, среди больных селен оказалось 26%, а среди более культурных в общей массе горожан только 22%. Сравнивая эти цифры с данными иностранных авторов о распространении неврастения в крупных европейских центрах, докладчик пришел к заключению, что Россия в этом отношении занимает одно из первых, если не первое место.

Профессор Бехтеров, резюмируя прения, указывает на важность подмеченного факта и говорит, что это вызвано ненормальными общественными условиями и разстройством хозяйства.

Мы видим, какое создается истощение во всех областях народной жизни. Страна нищает. Политика паризма с палачом Николаем во главе ведет страну к банкротству. И очень еще рано думать хоронить революцию мудрые оппортунисты политики всех родов оружия. Раньше еще говорить, что буржуазно-монархический строй врос в нашу общественную жизнь, и мы уже — как они рассуждают по привычному шаблону — вступили на путь „германского“ развития. Общественная жизнь еще настолько не прояснилась, чтобы можно было сделать подобные выводы.

Мы думаем, достаточно и этого количества фактов, чтобы читающий рабочий понял, что прежде, чем добиться сносных условий труда и сносного существования, он должен добиться политической свободы. А для этого нужна организованная, неуклонная борьба с паризмом. Нужно пользоваться всеми фактами повседневной жизни, чтобы при помощи их раскрывать глаза еще несознательным рабочим, привлекая их к борьбе. Только при политической свобод мы можем ослабить остроту безработицы, связанной с ней голода и других народных бедствий. У нас тогда не будет таких случаев обращения за помощью через буржуазные газеты, как следующие: „Внимание добрых людей.“ — Бывший рабочий варшавской железной дороги, получивший увечье, просит добрых людей оказать ему материальную помощь. При нем жена, старуха мать и 6 малых детей...

Какие способы борьбы с безработицей возможны в свободных странах, это показывает хотя бы проект реформ, выработанный в Англии ее комиссией по борьбе с бедностью и безработицей:

1) Необходимо организовать рабочий рынок во всем королевстве; посредничество труда должно быть централизовано и подчинено особому министру труда.

2) Министерство труда должно состоять из шести отделений: спроса и предложения труда; профессионального страхования; содержания и обучения безработных; регулирования промышленности; эмиграции и иммиграции; статистики.

3) Задача отделения спроса и предложения труда должна состоять не только в том, чтобы собирать и опубликовывать сведения о недостатке или излишке рабочих сил в тех или других местностях и производствах, но и в распределении временных и случайных работ между безработными. Предприниматели обязаны нани-

мать всех своих работников только на государственных биржах труда.

4) Рабочие, остающиеся без работы, должны содержаться на общественный счет.

5) Лицам, не достигшим 15 лет, воспрещается работа на фабриках и заводах. Лицам в возрасте от 15 до 18 лет воспрещается работать на фабриках и заводах более 30 часов в неделю; но другие 30 часов лица, не достигшие 18 лет и работающие на фабриках или заводах, должны посещать соответствующую профессионально-техническую школу.

6) Рабочее время на железных дорогах и городских трамваях должно быть от 48 до 60 часов в неделю.

7) Неимущим матерям должна быть оказываться материальная поддержка для воспитания детей.

Конечно, этот проект далеко не воплотился в закон, многое в нем (напр. пункт 6-ой) подлежит критике, но все же он обнаруживает, в каком широком объеме ставятся вопросы о рабочей нужде и безработице в тех странах, где есть политическая свобода и где рабочий класс может постоянно оказывать организованное давление на государственную власть.

Столяр.

Измена пролетарскому делу

(Энрико Ферри)

Проф. Ферри до последнего времени занимал видное место в социалистическом Интернационале. Он считался признанным вождем левых революционного крыла итальянской рабочей партии, своего рода итальянским Бебелем или Гедом.

Стоило однако поближе присмотреться к тому „научному социализму“, который проповедывал Ферри, чтобы убедиться, что мы имеем дело „не совсем“ с Бебелем. Его главный и, кажется, единственной „научной“ работой по социализму является переведенная и на русский язык книжка „Дарвин, Спенсер и Маркс“. Всякий развитый рабочий соц.-демократ, прочтя книжку, убедится, что итальянский профессор крайне поверхностно воспринял марксизм и что его во многом могла бы поучить даже маленькая брошюрка Лафарга „Марксизм и Дарвинизм“.

И в буржуазных кругах Ферри числится крупным ученым, как криминалист, т. е. исследователь вопроса о преступности. Но не странно ли, как мог он, считая себя марксистом, в то же время примкнуть к антропологической школе Ломброзо, которая цдиком выводила преступление из ненормальностей устройства тела, и провозглашает преступника больным, уродом?

Правда, Ферри последнее время отчасти сошел с этой точки зрения и приблизился к социологической школе криминалистов, считающих преступление результатом отвратительного общественного строя нашего времени. Но и до сих пор в сочинениях и речах Ферри, представляющих из себя в большинстве случаев нагромождение анекдотов, связанных какой-то танцующей и легковесной логикой, на каждом шагу попадаются мимо научные факты

и выводы во вкус Ломброзо, по истинѣ легкомысленнѣйшаго среди всѣхъ ученыхъ, добившася громкой извѣстности. Если сравнить ученые труды Ферри съ безконечно болѣе серьезными работами буржуазнаго либерала и главы нѣмецкой социологической школы криминалистов — Листа, — то всякому марксисту ясно станетъ, что научно буржуа Листъ стоитъ къ намъ гораздо ближе, чѣмъ Ферри.

Но Ферри чрезвычайно краснорѣчивъ. Онъ, какъ никто, умѣетъ пустить пыль въ глаза и показать лицомъ свой товаръ. Его обаятельная лживость, его неумолимое, горячее и общедоступное краснорѣчіе, его профессорскій титулъ и ученые лавры до крайности облегчили ему социалистическую „карьеру“, ибо въ то время, когда блестящій молодой профессоръ сдѣлалъ партіи честь стать ея членомъ, она была въ общемъ очень бѣдна интеллигентными силами.

Перваго мѣста въ партіи, положеніе признаннаго и властнаго ея вождя, о которомъ мечталъ этотъ честолюбивѣйшій человекъ, онъ однако не смогъ добиться сразу. Препятствіемъ явились другіе социалисты интеллигенты, до него вошедшіе въ партію, въ особенности доковитый и образованный Турати и ловкій политикъ Биссолати. Какъ только послѣ неудачи миланскаго восстанія 95-го года социалистическая интеллигенція Италии съ Турати во главѣ начала стремительно переходить отъ марксизма къ умѣренному „реформизму“, какъ только Бернштейнъ былъ окончательно провозглашенъ въ Италиі пророкомъ новаго социализма, Ферри рѣшительно сталъ на самую революціонную точку зрѣнія. Дѣло казалось ему совершенно простымъ: онъ былъ мастеръ революціонной фразы, которая надолго должна была замѣнять революціонное дѣло, а у итальянскихъ революціонеровъ не было ни одного вождя, который могъ бы хотѣ отдаленно соперничать съ нимъ. Сначала расчетъ оказался вѣрнѣй: имя Ферри сдѣлалось любимымъ среди итальянскихъ пролетаріевъ, искренне вѣрившихъ въ его преданность ихъ подлиннымъ интересамъ; кромѣ того оно оказалось окруженнымъ почетнымъ ореоломъ въ глазахъ сильнаго въ Интернаціоналѣ лѣваго теченія рабочихъ партій другихъ странъ. Но торжество нашего профессора продолжалось недолго. Скоро въ его собственномъ крылѣ выросли новые таланты, молодые и энергичные борцы за рабочее дѣло, вроде Леоне, Лабріолы и др.

Можно разное оцѣнивать литературные, научные и практические таланты этихъ лицъ, быстро затѣмъ склонившихся къ революціонному синдикализму, но одно несомнѣнно — *социалистически* они были безконечно образованнѣе и глубже Ферри, и притомъ говорили вещи, гораздо болѣе близкія сердцу пролетаріата, давая на мѣсто набившей оскомину революціонной фразы опредѣленную, хотя и одностороннюю программу, — планомѣрнаго развитія самостоятельныхъ и боевыхъ профессиональныхъ союзовъ. Ферри хотѣлъ круто расправиться съ „еретиками“ въ своемъ лагерь, но оказался не въ силахъ выполнить этого самостоятельно, и пошелъ на всѣ и всяческіе уступки по отношенію къ реформистамъ.

Однако Ферри ничего не выигралъ на этомъ, а въ результатѣ остался только ни павой ни вороной. Всѣ свои принципы онъ растерялъ, редакцію центральнаго органа уступилъ реформисту

Биссолати и сдѣлался пятымъ колесомъ въ социалистической партіи. Сознавши нецѣлостность своего положенія, онъ публично заявилъ, что наше время не годится, къ сожалѣнію, для революціонной тактики, и что онъ уступаетъ полѣ Филиппу Турати, какъ болѣе приспособленному къ умѣренной политикѣ, основанной на компромиссахъ. Самъ Ферри уѣхалъ въ Аргентину читать тамъ лекціи за огромные гонорары. „Я буду высказываться тамъ болѣе какъ итальянецъ, чѣмъ какъ социалистъ, скорѣе какъ представитель нашего единства, чѣмъ нашей розни“ — успокоительно заявлялъ Ферри буржуазнымъ журналистамъ передъ отъѣздомъ.

Социалисты-реформисты не безъ удовольствія отмѣтили этотъ шагъ какъ политическое бѣство, и уже считали своего соперника окончательно ликвидированнымъ. — Не тутъ то было! Курлика оказался живъ. Вернувшись изъ Южной Америки, Ферри въ первые же дни выступилъ въ парламентѣ съ большою рѣчною патриотическаго характера. Онъ развилъ широкіе планы государственной опеки надъ итальянскими эмигрантами, призывалъ къ созданію новой мощной Италиі въ развивающейся съ колоссальною быстротою Аргентинской республикѣ. Въ его рѣчи было достаточно демагогіи, но еще болѣе призыва къ объединенію „всѣхъ силъ“ ради достиженія общихъ національныхъ цѣлей, т. е. къ патриотическому союзу рабочаго класса съ буржуазіей. Рѣчь была встрѣчена реформистами со скрежетомъ зубныхъ, не потому, чтобы сами они были далеки отъ подобныхъ мыслей, а потому, что соперникъ вновь вынырнулъ и направился прямо къ завѣтной цѣли самихъ реформистовъ — министерскому портфелю. Революціонные же социалисты поняли, что Ферри для нихъ конченнйй человекъ. Въ нѣкоторое волненіе пришла и буржуазная пресса, хотя ей и казалось, что старанія Ферри выдвинулись передъ властью имущими и доказатъ свои положительныя государственныя способности ни въ какомъ случаѣ не увѣнчаются успѣхомъ.

Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ болѣе дровъ. Воспользовавшись не совсѣмъ чистой политикой реформистовъ по отношенію къ итальянскому диктатору, главѣ избирательныхъ бандъ, вождю либераловъ, — Джіолитти, Ферри заявилъ себя заяклятымъ врагомъ этого могущественнаго дѣятеля, и сталъ разъяснять, что всѣ честные люди въ Италиі, поскольку они хотятъ покончить съ господствомъ безчестной клики Джіолиттианцевъ, должны понять полную невозможность добиться побѣды инымъ путемъ, кромѣ социалистическаго министерства. Политика Ферри выяснялась и начинала пріобрѣтать нѣкоторую опору въ самомъ положеніи вещей. Дѣйствительно, господство Джіолитти съ его кликой уже глубоко волнуетъ передовые элементы въ странѣ. Мало того, оно сильнѣе тяготитъ, какъ говорятъ, даже короля и его семью. Между тѣмъ при нынѣшней избирательной системѣ Джіолиттианское большинство является обезпеченнымъ, ибо его выбираютъ хорошо организованныя мѣстныя клики; провести же всеобщее избирательное право, которое могло бы сорвать искусственно созданные избирательныя кадры, черезъ нынѣшнюю Джіолиттианскую палату — конечно, невозможно. Какъ же быть? Два министра-консерватора: Соннино и Луццатти устраивали министерство изъ правой и крайней лѣвой оппозиціи, это не освободило ихъ изъ Джіолитти-

тианского плёна: диктаторъ терпѣлъ ихъ власть надъ страной, пока ему было удобно и угодно, а потому пуская въ ходъ свое большинство и гнавъ ихъ прочь съ министерскихъ мѣстъ. Имѣвшее министерство Луццати представляетъ собою плёномъ ловко построенное орудіе Джюлиитти, и первый министръ чуть не ежедневно отправляется на квартиру настоящаго хозяина: подожёнія за совѣтами и приказами.

Дѣло тутъ, конечно, не въ талантахъ и порокахъ Джюлиитти. Диктатура политическаго проходимца, объединившаго вокругъ себя довѣренныхъ лицъ мелкихъ избирательныхъ бантъ, преслѣдующихъ мелкія цѣли, есть просто результиат парламентаризма въ культурно-отсталой странѣ, каковою является Италия во всей своей южной половинѣ. Даже всеобщее избирательное право не всегда освобождаетъ страну отъ власти заговора вліятельныхъ избирателей, купщиковъ голосовъ и правительственныхъ префектовъ. Впрочемъ, при нынѣшнихъ условіяхъ всеобщее избирательное право несомнѣнно означало бы въ Itali крахъ джюлииттанства и переходъ къ болѣе правильному дѣйствию буржуазно-парламентской машины. Но всеобщее избирательное право неизбѣжно значительно увеличитъ силы крайнихъ партій. Передъ королемъ стоитъ такимъ образомъ необходимый выборъ между двумя несприятностями: заносчивостью Джюлиитти или краснымъ призракомъ — усиленіемъ социализма. Тутъ то и является Ферри съ предложеніемъ своихъ услугъ. Онъ съ азартомъ нападаетъ на Джюлиитти и малость его настоящимъ чертомъ. Онъ прямо заявляетъ, что далъ бы коронѣ много добрыхъ совѣтовъ, если бы къ нему соблаговолили обратиться. Въ бесѣдахъ съ корреспондентами онъ откровенно намѣчаетъ свой планъ: получить отъ короля приглашеніе на постъ перваго министра, а вмѣстѣ съ тѣмъ дерзнуть о роспускѣ палаты, провести новые выборы съ давленіемъ противъ джюлииттанцевъ, съ отдачи подъ судъ доброй трети этихъ зарвавшихся жуликовъ, а потомъ, собравъ причинную палату, провести законъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ. Тогда-то Ферри сдѣлается героемъ дня! Тогда-то онъ начнетъ реформистскую политку, не слишкомъ, правда, спѣшную, но во всякомъ случаѣ не менѣе щедрую, чѣмъ реформаторство французскаго министра, бывшаго социалста, г. Бриана, котораго Ферри уже заранѣе любитъ, какъ своего дорогаго коллегу.

Планъ хоть куда! И король пavidому клонетъ. Конечно, Ферри постарался, черными буквами рисуя джюлииттанство, превратить съ другой стороны «красный призракъ» социализма въ какое-то розовое облако. Въ присутствіи короля съ величайшей помпой была произнесена имъ рѣчь по поводу юбилея Аргентинской республики. Въ ней Ферри среди потока цвѣтистыхъ фразъ, съ самоудовлетвореніемъ излюбно новосты, открылъ формулу: *прогрессъ и порядокъ*. Но онъ не только открылъ ее, а и *раскрылъ* ея смыслъ, и действительно доволно ново: что такое прогрессъ? — прогрессъ — это социализмъ или, еще точнее, — самъ Ферри. А порядокъ? — это монархія, это — Викторъ Эммануилъ! Простое и ясно. Если прогрессъ хочетъ бить сильнѣе — ему необходимо союзы съ порядкомъ. Обороженнаго король при громкихъ аплодисментахъ блестящаго собранія полагъ руку «страшному социалсту».

Поведеніе Ферри вызвало рѣшій протестъ во всемъ социалистическомъ мірѣ. Поднялся вопросъ объ исключеніи его изъ партіи. Но подобная намѣренія, когда они провозглашаются реформистами, у серьезныхъ людей могутъ вызвать только смѣхъ: въ самомъ дѣлѣ, какъ можно гнать человека изъ партіи за его стремленіе къ министерству, когда почти всѣ вожди этой партіи сами высказались за тотъ же министерализмъ?

Реформисты были взбѣшены тѣмъ, что Ферри неограниченнымъ скачкомъ со своихъ революціонныхъ позицій перепрыгнулъ черезъ ихъ головы, и оказался правѣ ихъ самихъ и ближе къ власти. Ферри легко было вымѣять всю эту мелкую злобу, лишенную всякой принципиальной основы. Другое дѣло социалисты революціонные. Чикотти, депутатъ Неаполя, посвятилъ Ферри прекасную брошюру, которая можетъ служить ему наградной платой въ главахъ сознательнаго социалистическаго пролетариата. Синдикалисты использовали «профессора» для выясненія роли буржуазныхъ перебѣжчиковъ, строящихъ свою карьеру на смутномъ сознаніи глубоко взволнованныхъ, но плохо организованныхъ массъ. Изъ крупнейшихъ людей Интернационала особенно рѣзко отозвался о Ферри Бебель. На всѣ эти обвиненія Ферри съ невозмутимостью отвѣчаетъ теоретическими разглагольствованіями: «какъ, говоритъ онъ, развѣ самъ Бебель въ Амстердамѣ не высказался противъ республиканскаго фетишизма? Развѣ онъ не доказывалъ вмѣстѣ съ Каутскимъ и противъ Жореса, что монархія бываетъ иногда выгоднѣе для пролетариата. Если смѣшны министерализмы Турати и комп., нападающіе на мой министерализмъ, то не смѣшны ли свободные отъ республиканскихъ предрасудковъ нѣмцы, осуждая меня за борьбу съ тѣми же предрасудками! Нѣтъ, мы социалисты принципиально не высказываемся ни противъ монархій, ни противъ участія въ министерствѣ, мы рѣшаемъ подобные вопросы, смотря по обстоятельствамъ. Въ Itali же создается прочная монархія, либеральная, близкая къ народу, безпристрастная въ борьбѣ классовъ, и ссориться съ ней было бы бесполезнымъ ребячествомъ».

Конечно, эти ссылки на Бебеля и Каутскаго — чистѣйшая фальшь. Ихъ амстердамскія рѣши были направлены какъ разъ противъ французскихъ карьеристовъ такого же сорта, какъ Ферри. Французскіе реформисты, прикрываясь необходимостью защищать республику, оправдывали этими всяческими сдѣлками съ правительствомъ своей страны. Нѣмецкіе же теоретики доказывали и доказали, что буржуазная республика вовсе не такое уже безусловное благо, что классовое государство и въ этой формѣ остается врагомъ пролетариата, при случаѣ еще болѣе жестокииъ, чѣмъ въ монархической формѣ. Теперь карьеристы монархическихъ странъ въ этихъ доказательствахъ того, что не слѣдуетъ входить въ сдѣлки даже съ республиканской властью, — стараются увидѣть разрѣшеніе: столкноватся не только съ республикой, но и съ нереонованными главами! Это было бы смѣшно, если бы не было такъ гнусно.

Чего можно ждать отъ попытокъ Ферри? Въ лучшемъ случаѣ онъ освободитъ короля и враждебныхъ Джюлиитти политиковъ отъ ненавистнаго диктатора и потомъ будетъ выброшенъ за бортъ, какъ ставшій ненужнымъ, при первой попыткѣ провести какую-либо пролетарскую реформу. Въ

худшей случай отъ окончательно приспособится къ роли „услужавающаго социалиста“. А между тѣмъ, нѣтъ большаго разврата, чѣмъ этотъ мнимый социализмъ у власти съ его разслабляющими волю общинами, съ его стремленіемъ отвлечь пролетаріатъ отъ классовой борьбы мелкими подачками. Не даромъ бывшій нѣмѣцкій кандлеръ Бюловъ мечтательно воскликнуть однажды въ рейхстагѣ: „О, если бы въ Германіи былъ хоть одинъ Мильеранъ!“ — Цивилизованнымъ буржуазнымъ правительствомъ „великій Мильеранъ“ нуженъ также, какъ правительствамъ помѣщикамъ и варварскимъ „великій Азефъ“. И тѣ и другіе вырастаютъ на почвѣ безконтрольности. Нѣтъ положенія болѣе развращающаго политиковъ, чѣмъ положеніе властнаго партійнаго вождя, восклищающаго на манеръ Людовика XIV: „Партія — это я“.

Ветеранъ революціоннаго движенія, герой, пролившій кровь во всѣхъ возстаніяхъ послѣдняго полулѣтія. Амилъкаръ Чиприани, кончавъ свою статью въ „Нитаніпѣ“, посвященную Ферри такимъ восклицаніемъ: „Неужели мы залили свою кровь, отказываясь отъ всякаго личнаго благополучія, напрягали всѣ свои силы для того, чтобы расчистить дорогу заносчивымъ политическимъ шарлатанамъ?“.

Нѣтъ, конечно. Пролетарская партія не попадетъ въ руки Бриановъ, Версовъ и Ферри, она не пойдетъ за ними. Но сколько вреда, сколько зарывъ вносятъ подобныя элементъ въ политическую жизнь тамъ, гдѣ пролетаріатъ въ собственной своей партіи играетъ еще только роль толпы, не яснымъ гуломъ выражающей свое мнѣніе, а не роль хозяйина и бдительнаго контролера?

Во русской партіи фигуры подобныя Ферри пока невозможны, но предварительныя условія для ихъ появленія уже создаются. Стоить только русской буржуазно-помѣщичьей власти открыть хоть какое-нибудь легальное средство для рабочаго движенія, чтобы наши ликвидаторы съ удовольствіемъ ограничились имъ, стараясь легализировать пролетарскія организации въ тѣхъ рамкахъ, какія угодно будетъ создать для нихъ Столыпину и Гучкову. Можно ли представить себѣ болѣе скользяй путь? Если компромиссъ съ Викторомъ Эммануиломъ легче и заманчивѣе, то зато отказъ отъ компромисса со Столыпиннымъ насколько-же тяжелѣе и опаснѣе? А самъ компромиссъ насколько вреднѣе и поворнѣе! А рядомъ съ этимъ, развѣ мы не видимъ какъ наши партійные ханы ликвидируютъ и восстанавливаютъ фракціи и политически поворачиваются, то направо то нѣлѣво въ зависимость отъ своихъ капризовъ и закулисныхъ заграничныхъ вѣтровъ? У насъ уже есть и фракціи компромисса во что бы то ни стало, и шаржи, утвержденныя, что „толпа“ все равно поддержитъ ихъ прочный авторитетъ, куда бы ни поведи они свое стадо. Отъ всѣхъ этихъ болѣзней есть только одно лекарство — самостоятельность пролетарскихъ элементъ партій и властных, неуспѣшный контроль ихъ за исполнительными ея органами. Этому учить и дѣло Ферри.

Воиновъ.

Изъ будничной жизни русскаго солдата

(Къ предстоящему осенью рекрутскому набору)

I

Какъ одѣвается русскій солдатъ?

На большомъ пространствѣ раскинулась Россія. Много въ ней разныхъ губерній и мѣстностей съ неодинаковыми климатами, — холодами, теплотой, погодою. На сѣверѣ морозы по 30—40 градусамъ, на югѣ, у Моря Чернаго, на Кавказѣ, въ Новороссіи тепло круглый годъ иногда бываетъ. По разному и одѣваются жители разныхъ губерній. На сѣверѣ — овчинный полушубокъ, въ Малороссіи свитка домотканная. Но, вотъ, скоро начнутъ считать по осени, парскихъ цыплятъ — молодыхъ рекрутовъ, и свозить ихъ со всѣхъ деревень и городовъ на сборные пункты, распределять по полкамъ, и тогда ихъ всѣхъ сравняютъ въ одеждѣ. На жаркомъ солницѣ въ Крыму, на прохладѣ волжскихъ береговъ, на жгучемъ морозѣ и вѣтрѣ студеноя Сибіри — вездѣ одинаково одѣтъ русскій солдатъ, вездѣ на немъ одна и та же неизмѣнная острая шинель.

Шинель сшита изъ „интендантскаго“ сукна. Сукно это особаго сорта, не похоже на другіе сорта. Пѣть на немъ вору, не заплатятъ бывать. „Мѣхъ рыбий, а воротникъ пучій“. Другого же воротника, потѣплѣе, не полагаются. Не полагаются ни ваты, ни тѣлой подкладки, — достаточно и холоднаго подшивки. Ходилъ-ходилъ паренъ дома въ наденныхъ да подушубкѣ, а какъ забрили лобъ, одѣвай обязательно сѣрую шинель и толстые, тяжеленные сапоги, въ которыхъ не то что въ гору на приступъ лѣзть, а и по ровному мѣсту еле брести можно. Въ сѣрой шинели солдату лѣзть тяжело и жарко, а зимой холодно. Отъ вѣтра она защищаетъ не можетъ, потому что сама она „вѣтромъ подбита“.

Не мудрено, что при такой верхней одеждѣ солдату очень трудно сохранить себя отъ простуды и болѣзни. Пойдетъ здоровымъ новобранецъ изъ семьи, а глядишь, черезъ годъ-два мертвецомъ домой „на поправку“ возвращается. Даже само военное начальство признаетъ, что очень не легко новобранцамъ „приспособиться къ недостаточно защищающей къ холодному времени солдатской одеждѣ“. Особенно тяжело солдатамъ съ юга, — кавказцамъ и другимъ, — они какъ мухи впадаютъ отъ простудныхъ болѣзней.

Подъ шинелью на солдатѣ шаровары и мундиръ. Не проете, а заслуженные: „третьяго“ или „четвертаго“ срока, т. е. ношенные второе-четверое больше, чѣмъ нужно. Все тепло изъ нихъ вытерто, а грязи и заразы втерто столько, что не оберешься. Вотъ, какъ пишетъ о нихъ одѣвъ военный врачъ:

„Нѣзъ года въ годъ несется вонь полковыхъ врачей о зловредности этихъ мундировъ и шароваръ. Заплата на заплатѣ, вытертые до подобія рѣшета, пропитанные человѣческимъ потомъ и жиромъ, побывавшіе въ теченіе многихъ лѣтъ, на многихъ солдатскихъ спинахъ, — большіе и здоровыхъ, — эта одежа является хранителемъ и сѣятелемъ всевозможныхъ болѣзней: рожи, нарывовъ, сибирской язви, венерическихъ болѣзней, сифилиса, тифа, трахомы, чесотки и т. д. и т. д.“

Если молодой солдатъ не привыкъ къ грязи и не хочетъ заравиться, онъ можетъ у капитанар-

муса купить одежду почище, но у многих ли новобранцев найдутся на это деньги? От казны же одежду почище дают только для смотров и парадов.

Продавать одежду каптенармусы могут свободно, так как учета "четвертому" сроку не ведется. Третий, второй и первый сроки на учет, и красть их нельзя. Задача одних вещей другими совершается следующим образом: при переводе третьего срока в четвертый, каптенармус отбирает несколько лучше сохранившихся пар только что перешедших в "четвертый" срок; берет столько же, положим, пар "второго" срока, отпаривает у тех и других пояса и пришивает их один на место другого. Затем шаровары "четвертого" срока, с поясом от второго (на последнем имеется соответствующее клеймо) клздеть в цейгауз, а шаровары "второго" срока с поясом (соответственное клеймо) от шаровар "четвертого" срока он сбыло продает направо и налево. Такая же операция производится с мундирами и шинелями. Отпариванию и перемещению здесь подлежит подкладка. Совершается все это исполком втуку, и каждому солдату хорошо известно.

Должность каптенармуса в рот — самая доходная должность.

На ногах у новобранца сапоги, — тяжелые, грубые, не по ног, а как пришлось. Не мудрено, что новобранец только и думает о том, как бы избавиться от казенной обуви и завести свою:

„Громадное большинство солдат ненавидит выдаваемые им сапоги казенного образца. За безделью продают они их на базар. Рыночная цена новым солдатским сапогам, интендантской заготовки, на запад и юг России 1 рубль 40 коп. — 2 рубля за пару. Казенная цена — 5 руб. Существуют частные скупщики, которые приобретают эти сапоги и вновь поставляют их в интендантство, а последнее в армию. Словом, цылая сказка про блага бычка: первый этап — изъ интенданства в армию; второй — изъ армии на базар; третий — съ базара в интендантство; и опять сначала: в армию, на базар и т. д., до полного круговорота.“

Вот, как одъвается русский солдат.

II

Где живет солдат?

Всего лучше, как известно, живется солдатам в Петербургском военном округе. Там царская гвардия стоит, да и больше боятся там начальство злит солдат, — в случае бунта против царя, здесь до него рукой подать: залетела шальная пуля или граната в царкосельский сад и дело съ концом!

Но оказывается, что даже в петербургском округе, где находится около 100 тысяч войска и то солдаты живут в очень плохой обстановке. Казармы нигула не годятся. Сам военномедицинский инспектор заявил об этом еще несколько лет тому назад. „Большая часть казарм в петербургском округе — говорит он — вредна для здоровья: помещения тесные, солдаты скучены массами, воздуху мало, а вентиляция плохая; пыли и грязи много, а полы убираются сухим способом (воды жаль началству).

То же самое и в других округах. В варшавском, где солдат 245 тысяч, тоже само

начальство признало „неудовлетворительное размещение во многих частях войск нижних чинов“ и „неудовлетворительное устройство самих казарм“.

Вдобавок, генералы, полковники, ротные и прочие дубят „экономить“ на дровах: от сырости и холода опять болзани...

Сырая, тесная и холодная казармы обыкновенно стоят не на лучших улицах, а на окраинах среди грязи и вони. Многие из них построены „на месте бывших свалок“ или „возле существующих свалок“. Ясное дело, что происходит солдатам дышать не очень чистым воздухом, да вдобавок еще и вода часто бывает зараженной, так что солдат весь живет среди заразы. Къ тому же часто заблзвших не берут из казармы, не отдзляют от здоровых. Есть, например, страшная болзнь глаз — трахома, от которой человек теряет зрние. Болзнь эта прилипчива, но в русской армии, где очень много больных трахомой, их не „изолируют“, т. е. не отдзляют от здоровых. В 1904 году в двухстах двадцати одной войсковой части, несмотря на присутствие больных трахомой, ни один из них не был был изолирован. В петербургском военном округе в 1900 г. было изолировано меньше одной десятой больных, а остальные жили вместе со здоровыми. Немудрено, что трахома распространяется среди солдат с ужасной быстротой. В 88 пхотном Петровском полку несколько лет тому назад числилось полтысячи больных трахомой, в 77 пх, Тенгинском в 1904 г. — боллы трахомой половина солдат, — полторы тысячи человек из трехтысячного состава и ни один не был изолирован. В 140 резервном пх. батальоне, где всего 1000 солдат, было 457 больных. Всего в 1904 г. больных трахомой „в строю“ числилось в 665 воинских частях из 745 частей. В русской армии в 13 раз больше больных этой болзнью, чъм в нмецкой, в 9 раз больше, чъм в американской, в 97 раз больше чъм во французской, и в 294 раза больше, чъм в английской.

На царской службе слзняет русская молодежь.

III.

Чъм кормят русского солдата?

Чтобы человек мог хорошо работать и быть здоровым, он нуждается в известном количестве пищи. Есть, как говорят доктора, известная норма питания, необходимая для здоровья. В эту норму должно входить определенное количество жировых и жировых веществ, которые мы потребляем, главным образом, в мясе, и тех мучнистых „крахмальных“ веществ, которые находятся в хлебе, также вместе с бжковыми. Мясо и хлеб — самое первое, что нужно человеку для поддержания сил и здоровья.

Солдатам русской армии дают мясо и хлеб, но дают меньше, чъм, напр., нмецкому, который потребляет вдвое больше жиров, чъм русский. В день на каждого солдата полагается по 3/4 фунта мяса, но часть вса уходит при покупке на кости, а еще больше уходит при выдаче. Дежурный по кухне унтер-офицер сам съдаст часть солдатской порции, часть отдает

*) См. Отчет Медицин. Инспектора.

землянкам, кой-что перехватывать солдаты, работающие на кухне, лучший кусок фунтовъ въ 4-5 отнѣсать на командирскую кухню. Въ результатѣ къ обѣду солдатъ получаетъ совсѣмъ маленькую порцію, а къ ужину еще меньшую. Вечернія порціи такъ малы, что для нихъ солдаты особое произвѣще придумали: „лягушати“.

Такая же утка, усышка и недочувства происходятъ съ саломъ, масломъ, крупой, мукой, чаемъ, сахаромъ и хлѣбомъ.

Сахаръ выдается не по вѣсу, а кусками, сче- томъ. Остатокъ идетъ въ пользу раздатчика. „Если онъ дѣлитъ, напр., между 100 солдатами и у него осталось 8 кусковъ, то эти куски онъ оставляетъ себѣ.“

Чай выдается „на котелокъ“, т. е. десятку, который ѣсть изъ одного котелка, выдается не по вѣсу, а „горсточкой“, причемъ бываетъ опять-таки утка.

Хлѣба полагается по три фунта въ день на человѣка; выдаютъ его не ежедневно, а разъ въ три дня — по девяти фунтовъ.

„Хлѣбъ солдатскій имѣетъ способность таять и на столько таетъ, что солдатъ получаетъ вмѣсто слѣдующихъ девяти фунтовъ — восемь, а то и того меньше“.

„Первая утка, путемъ ли сдѣлки, путемъ ли обмана при взвѣшиваніи, происходитъ при получении хлѣба ротнымъ каптенармусомъ отъ полкового каптенармуса. Ротный каптенармусъ, въ свою очередь, раздаетъ взводнымъ раздатчикамъ, не обижая, конечно, себя. Вторая утка. Эти послѣдніе раздаютъ солдатамъ.“

Хищение свершается слѣдующимъ образомъ. На каждомъ караваѣ хлѣба написанъ мѣломъ вѣсъ его. Не каждый каравай, само собою разумѣется, вѣситъ 9 фунтовъ. Есть каравай по $\frac{1}{2}$ — $7\frac{3}{4}$ — 8 — $8\frac{1}{4}$ и т. д. Раздатчикъ долженъ недостающее количество добавить. И онъ добавляетъ, но не по вѣсу, а на глазъ. Ибо вознѣтся ему съ взвѣшиваніемъ „некогда“. Дѣлжку онъ производитъ такъ, что выкрадываетъ изъ раздаваемого хлѣба порцію для себя. Свою законную порцію онъ не беретъ, получая вмѣсто нея деньги. А если, беретъ, то продаетъ на базарѣ, или въ сосѣднюю лавку.

Такимъ путемъ кормятся и копятъ деньги полковой и ротный каптенармусы, и всѣ взводные раздатчики“.

Въ концѣ концовъ до солдатскаго рта не доходить и половины того, что ему причитается. Да и изъ того, что доходитъ, стараются „по закону“ урвать сколько можно. Для этого вводятъ подъ предлогомъ благочестія и святости такъ называемыя „постныя варки“, т. е. дни, когда солдатамъ варятъ пищу безъ мяса. Число этихъ „постныхъ“ дней въ разныхъ полкахъ разное, смотря по „набожности“ начальства. Въ нѣкоторыхъ частяхъ войскъ больше ста дней въ году солдатамъ даютъ постныя порціи, а въ 225 пѣхотномъ резервномъ Лѣсномъ полку въ 1904 году онѣ были выданы 183 раза. Надо прибавить къ этому, что и то небольшое, что получаетъ солдатъ, часто бываетъ плохого качества. Хлѣбъ, напр., выдаютъ „трехдневной давности“ — черствый и заплеснѣлый, а „для вѣсу“ его плохо пропекаютъ.

Съ мясомъ дѣло обстоитъ и того хуже. Въ отчетахъ и докладахъ полковыхъ врачей, то и дѣло сообщается о „гниломъ, испортившемся мясѣ“, о „мясѣ отъ большого скота“ и пр. Во многихъ

частяхъ солдаты, особенно въ лѣтнюю жару, заболѣваютъ массами отъ дурной пищи. Въ 1906 году, напримѣръ, въ одномъ только батальонѣ 146-го пѣхотнаго Царицынскаго полка (въ Красносельскомъ лагерѣ) заболѣло острымъ желудочнымъ разстройствомъ 161 чел. за три дня, съ 24 по 26 апрѣля. Причиной была коромжа тухлымъ мясомъ. Отъ той же причины 11 и 12 іюля того же года во 2-омъ Финляндскомъ стрѣлковомъ полку (въ Гельсингфорсѣ) заболѣло сразу 536 человѣкъ — это за два дня!

Съ 27 по 30 авг. того же года въ г. Кѣльцахъ въ 5 Стрѣлковомъ полку заболѣло желудочно-кишечнымъ катарромъ 233 человѣка, изъ которыхъ двое умерли. Если прибавить къ гнилому мясу плохо луженую посуду, отъ которой тоже отравляются часто десятки и сотни солдатъ, то станетъ ясно, какъ заботится поставленное царемъ начальство о солдатскомъ здоровьи.

Однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ признаковъ плохого питанія солдата служить распространеніе въ арміи болѣзни цынги, которая всегда появляется тамъ, гдѣ люди скверно кормятся, не дождавшись. За 10 лѣтъ, съ 1897 по 1906 годъ, число цынготныхъ солдатъ въ русской арміи возросло на 500%, т. е. вмѣсто каждой сотни, стало уже полторы сотни.

Да и не одна цынга, а и всякія другія болѣзни среди солдатъ не только не убываютъ, а напротивъ все растутъ по числу своихъ жертвъ. Цынга дала, какъ мы видѣли, приростъ за 10 лѣтъ, въ 500%; сыпной тифъ возросъ на 229%; инфлюэнца — 409%; гриппъ — 3150%; болѣзни органовъ кровообращенія 329%; катарръ дыхательныхъ вѣтвей — 399%; ушныя болѣзни — 5.0%; часотка — 139%; сифилисъ — 139%; переломъ — 290%; мягкій шанкръ — 52%. Но и тѣ болѣзни, которыя не поднимаются, а падаютъ за послѣднія 10 лѣтъ, все-таки стоятъ выше въ русской арміи, чѣмъ въ арміяхъ иностранныхъ. При этомъ смертность среди солдатъ тоже растетъ. Правда, начальство старается „бороться“ со смертностью путемъ увольненія тѣхъ, кто умирать задумалъ, и эти больные умираютъ не на службѣ, а дома. Но и это не помогаетъ — цифра смертности все-таки растетъ. Даже среди штатскаго населенія смертность бываетъ ниже, чѣмъ среди солдатъ. Напр., въ городѣ Петербургѣ на каждыя 100 человѣкъ жителей, заболѣвшихъ брюшнымъ тифомъ (среди нихъ есть дѣти, женщины и старики) умираетъ 7 чел., а среди солдатъ петербургскаго гарнизона отъ брюшного тифа умираетъ 16 чел. на каждую сотню заболѣвшихъ.

Не очень здорово, живется, какъ видите, русскому солдату. Живетъ въ воннѣ и грязи, ходитъ во рвани, ѣстъ тухлятину, болѣетъ всякими болѣзнями, мретъ, — словомъ, не по человѣчески живетъ, а какъ скотина захудалая. Не даромъ же генералы и зовутъ солдата „сѣрой скотинкой“.

IV

Какъ спасается отъ своей каторжной жизни солдатъ?

При плохой пищѣ и одеждѣ солдатъ работаетъ много и утомительно. Работа безмысленная, дурная. Маршировка и бѣготня до седьмого поту. Выдѣлыванье ногами, руками, головой и глазами всякихъ артикуловъ, стойка „смирно“, зубрежка словесности, зуботычины унтервъ и фельдфебелю

лей, брань офицеров. И так целый день, целую неделю, месяца, годы. А различные человеческие инстинкты. Развот и книги интереснейших книг, а те, что даются для чтения, наполнены глупыми разговорами о солдатах, "долге", о верности царю и отечеству и прочим враньям. Случно молодому солдату. Одно остается — воину пить, да по публичным домам шататься, купить за деньги тело своих же сестер, мужичков и рабочих дочерей.

А кто поумнее, да посознательнее, тот зачастую предпочитает другой выход — руки на себя наложить. Многие солдаты так делают. В среднем, в русской армии на каждую десятку тысяч приходится в год тринадцать самоубийств. Самоубийств среди солдат бывает в 400% т. е. в 5 раз больше, чем среди прочего населения, хотя и тому тоже не сладко живется. Кто кончают с собой самые сознательные солдаты, это видно из того, что всего больше самоубийств бывает среди солдат инженерных войск, — они самые развешенные.

По годам службы больше всего кончают с собой на "четвертом" и "третьем" году, когда солдаты уже в конце измотала неслышная служба, и когда он считает дни, которые ему осталось пробыть в постылой казарме. Много самоубийств — в первый год тоже, когда парня только что оторвали от привычной трудовой жизни на заводе или в деревне, отняли от семьи и пихнули в тяжелую казарменную обстановку.

Врачи исследовали те способы, при помощи которых солдаты лишают себя жизни. "Излюбленный" способ, — говорят они, — это огнестрельное оружие; оно всегда под руками. Но не мало народу впишет, травится, зарбываются, топят, бросаются под поезд, с крыши, с моста, где стояла на караул ст. Разными способами ищет себе смерти солдат и избавляет себя от казенной каторги.

Но не всякий, конечно, идет ради этого на самоубийство. Иной, посылает духом, рвётся, что чем помирить самому по доброй воле, лучше бороться, протестовать, не давать себя в обиду. Но как только посетит он гонимый поднят в свою и товарищей своих защиту, моментально его под суд, а военный суд скорый: миглом в военную тюрьму или в дисциплинарный батальон.

Известно, что солдаты сажают в дисциплинарный батальон за всякий пустяк: "на часах заснул", "оскорбил фельдфебеля", "аль сдачи прибавившему его офицеру" и т. п.

Дисциплинарные батальоны и военные тюрьмы нарочно устроены, чтобы морить в них и забивать строптивых и начинать непокорных. Солдат держат там еще больше голодными, чем даже в казарме. А помешения почти без света, сырые, грязные, тёмные, — дышать не чем. Белья постельного не полагается, на тель больше чуть не раз в год мѣняют, а одежда, — о ней и говорить не приходится, — заскорузлая, вонючая, вшивая. Поэтому больные еще сильнее уничтожают солдат, отбывающих наказания в военных тюрьмах и дисциплинарных батальонах: цинготный там в семь раз больше, чем в казармах, сыпной тиф и туберкулез не переводится, остальные болезни, точно "казни египетские" гложут и убивают

заключенных. "Смертность от заразных болезней среди них", — говорят врачи, — больше таковой же в армии на 355 процентов", то есть в 4½ раза. Точно также и цифра самоубийств: из же не тринадцать, как в армии, а 26 на 10 тысяч приходится, то есть ровно вдвое больше.

А кого не убили болезни и кто сам на себя рук не наложил, на того начальство налагает свои палаческие лапы. Карцеры и розги — ежедневная расправа в военных тюрьмах и дисциплинарных батальонах. Офицерами-туда назначают тех, кто в армии показал себя особым зверем по отношению к солдатам. В тюрьме и дисциплинарном батальоне такому зверю есть, да разгуляться, есть, над ним надругаться. Запаривают арестованных солдат чуть не до смерти.

Иной раз, впрочем и здесь солдату все-таки удастся хоть как-нибудь постоять за себя. Еще недавно рассказывалось в газетах, как в одном батальоне солдат, которого истерзали розгами, ворвался из рук палачей и тут же убил ножом командовавшего поркой офицера. Недавно также в другом дисциплинарном батальоне — херсонском — солдаты "подняли на штыки" своего полковника Давыдова.

Что бывает за тем, известно: суд и расстрел...

Так держать на службе, мучают и калечат во имя царское молодых парней, набранных по всем деревням и городам России. Измучив, одурив, заразив погаными болезнями, лишив образа человеческого, возвращают их домой: "На, матушка-родина, получай назад своих сынов. Все, что можно было из них выжать, выжали, — остатки назад брошены: пуст, моль, их помешало — на пол, фабрикант — на фабрику до конца облаживает!"

Крестьяне и рабочие должны крепко подумать о том, как бы изменить этот унижительный, подлый и вредный для народа порядок.

А изменить его можно.

Как это сделать, об этом поговорим в другой раз.

Ратник ополчения.

Из жизни Социалдемократии Латышского края за период реакции

Кровавый туман, нависший в последние годы над Россией, гуще всего окутал Латышский край. Кто следил за статистикой смертных приговоров, тот знает, что наибольшее количество таковых в 1906 — 07 г.г. произносилось и приводилось в исполнение в Прибалтийском Крае. Катара, сибирская тундры и зверские пытки в рижских застенках должны были закончить разгром пролетарской организации. Но под грохот зыलों на "Песчаных Горах" (много казни осужденных в Риге), под волей истязаемых в рижских и других застенках — велось в тишине дело организационного строительства, не умолкало слово социалдемократической пропаганды.

Разгрому наших организаций сильно содействовало то обстоятельство, что рука об

руку съ гнетомъ политическимъ шель гнеть экономическій.

Вслѣдствіе наступившаго промышленнаго кризиса, нѣкоторые заводы были закрыты. На нѣкоторыхъ число рабочихъ было уменьшено. На остальныхъ фабрикахъ г.г. предприниматели воспользовались наступившей реакціей, чтобъ отнять завоеванія 1905 г. Прежде всего, конечно, взялись за уменьшеніе заработной платы и удлиненіе рабочаго дня. Плата на нѣкоторыхъ большихъ заводахъ, напр. Поля, Тилау и др., была уменьшена на 25 — 50%. Ухудшились и остальные условия труда (санитарныя, врачебная помощь, обращеніе съ рабочими и т. д.) Вдобавокъ къ остальному, на всѣхъ большихъ фабрикахъ учрежденъ форменный сыскъ. Гонения обрушиваются, главнымъ образомъ, на болѣе сознательныхъ рабочихъ, ихъ разсчитываютъ при каждомъ удобномъ случаѣ, такъ какъ вслѣдствіе кризиса ищется масса безработныхъ, изъ среды которыхъ легко найти замѣстителей.

Самый глубокий организационный распадъ относится у насъ не къ эпохѣ карательныхъ экспедицій и военно-полевыхъ судовъ, а къ серединѣ и къ концу 1908 года, когда вслѣдствіе всѣхъ пережитыхъ гонений ряды партіи сильно порѣдѣли. Было время, когда въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ организація совершенно распалась. Такъ, съ осени, 1908 г. до іюля 1909 г. Ц. К. не имѣлъ даже связи съ такими районами, какъ Либавъ, Виндава, Тукумъ-Тальсенъ, т. е. съ мѣстами, гдѣ осенью 1905 г. движеніе достигло высшаго подъема и вылилось даже въ вооруженное возстаніе (Тукумъ). Но нужно замѣтить, что при отсутствіи организационной дѣятельности, въ упомянутыхъ мѣстахъ, все же не прекращалась с.д. пропаганда. Небывалые раньше провалы типографій затруднили письменную пропаганду. Впрочемъ, и въ области письменной пропаганды наша организація сдѣлала все возможное, и за время отъ Лондонскаго съѣзда (одновременно и II съѣзда С.-Д. Л. К.) до III съѣзда С.-Д. Л. К. (осень 1908 г.) появилось 804500 экз. различныхъ газетъ, листовъ и т. п.

Однако, организационный распадъ не могъ долго продолжаться. Слишкомъ глубоко прониклись наши рабочія массы идеями революціонной с.-д.тн. чтобъ остаться индифферентными, или уйти въ сторону анархистовъ и синдикалистовъ, которые пытались и у насъ въ мутной водѣ рыбу ловить. Къ осени 1909 года организація возстанавливается и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ передъ тѣмъ совершенно были разрушены. Въ Либавѣ, напр., организація возстановлена къ концу іюля 1909 г. и съ тѣхъ поръ ежесѣчасно собираются городскія конференціи и функционируетъ городскій комитетъ. То же самое произошло въ другихъ мѣстахъ. Вмѣсто выбывшихъ изъ строя или ушедшихъ отъ партіи интеллигентовъ — партійныхъ работниковъ — выдвигаются организаторы и пропагандисты изъ среды самихъ рабочихъ, что и неудивительно, если принять во вниманіе уровень развитія нашихъ рабочихъ. Нашъ средній рабочий стоитъ по своему развитію выше средняго русскаго рабочаго и безусловно дисциплинированнѣе послѣдняго.

Въ настоящее время наша организація насчитываетъ въ своихъ рядахъ 3500 организованныхъ рабочихъ, что, конечно, не особенно много въ сравненіи со второй половиной 1905 г., когда

число членовъ партіи достигало 12-15000, но за то эти 3½ тысячи представляютъ изъ себя наиболѣе сознательную, наиболѣе преданную дѣлу освобожденія рабочаго класса часть латышскаго пролетаріата, свободную отъ разныхъ мелкобуржуазныхъ примесей. Пунктъ нашего устава, что членомъ партіи считается всякій, кто признаетъ нашу программу, платитъ членскіе взносы и принимаетъ активное участіе въ какой-либо партійной организаціи, — у насъ не является пустымъ звукомъ. Какъ видно изъ финансоваго отчета нашего Ц. К. за прошлый годъ, существенную часть прихода дали членскіе взносы, а это несомнѣнный признакъ прочности организаціи. Общій приходъ Ц. К. за 1909 г. — 4192 р. 66 к., расходъ — 4142 р. 4 к. Годъ законченъ, по крайней мѣрѣ, безъ дефицита, тогда какъ ко времени III съѣзда (конецъ 1908 г.) имѣлся дефицитъ приблизительно въ 100 рублей.

Съ апрѣля 1909 нашъ Ц. О. „Zihna“ продолжалъ не выходить, отчасти благодаря проваламъ типографій, отчасти по недостатку литераторовъ, такъ какъ наша рабочая среда не дала еще товарищей, которые свободно могли бы взять на себя и литераторскія функціи. Впрочемъ, о невыходѣ нашего Ц. О. особенно жалѣть не приходится, такъ какъ тѣ интеллигенты, которые наполняли послѣдніе № № „Zihna“, принадлежа по своимъ взглядамъ къ правому крылу с.-д.тн, нѣрѣдко вносили своими статьями оппортунизмъ въ наши революціонныя массы, неправильно освѣщая, напр., дѣятельность с.-д.ской фракціи III Госуд. Думы и совершенно не критикуя ея несоціалдемократическія выступленія, каковыхъ было не мало.

Письменная пропаганда нашей организаціи выразилась главнымъ образомъ въ изданіи листовъ и бюллетеней, какъ Ц. К., такъ и мѣстныхъ организацій (напр. Митавской). Изъ воззваній слѣдуетъ отмѣтить изданныя къ новобранцамъ въ октябрѣ прошлаго года, и къ сельскохозяйственнымъ рабочимъ ко времени найма батраковъ, съ выставленными экономическими требованиями.

Съ весны прошлаго года сталъ выходить заграничій органъ Загран. Комитета С.-Д. С.-Д. Л. К. „Вѣстникъ Соціалдемократіи“, который въ началѣ своего поприща сталъ въ оппозицію „меншевиствующему“ Ц. К.-ту, выбранному на III съѣздъ. Формальной санкціи Ц. К. онъ такъ-таки и не поблизился, но былъ санкціонированъ самими рабочими помимо Ц. К., такъ какъ болѣе соответствовалъ по своему содержанию духу революціонной с.-д.тн, хотя и этотъ органъ — по тѣмъ или другимъ причинамъ — не всегда соответствовалъ требованіямъ, какія можно предъявить органу лѣваго крыла с.-д.тн. Въ апрѣлѣ этого года, онъ прекратилъ свое существованіе (вышло всего 7 №№) и вмѣсто него начнеть выходить заграничній Ц. О. С.-Д. Л. К. „Zihna“.

Какъ отрадное явленіе въ нашей партійной жизни нужно отмѣтить то обстоятельство, что увлеченіе „легальными возможностями“ и лихорадка легализаціи не захватываетъ рядовъ нашей организаціи. Правда, наши товарищи принимаютъ дѣятельное участіе въ профессиональныхъ союзахъ, въ просвѣдительныхъ и др. обществахъ, но это происходитъ главнымъ образомъ съ цѣлью привлеченія новыхъ членовъ къ нелегальной партіи и укрѣпленія ея вліянія на массы. Во всѣхъ легальныхъ обществахъ ищется с.-д.онія ячейки,

соответствующие представители которых составляют общий совет, подчиняющийся всем постановлениям легальной организации. Были, впрочем, и ошибки в легальной деятельности наших товарищей. Так, согласно решению III-го съезда С.-Д. Л. К. и постановлениями этого ряда местных конференций, наши организации принимают участие в выборах местных самоуправлений — городских дум и волостных сходов. И вот тут то некоторые товарищи в одной или двух деревенских организациях увлеклись до того, что приняли участие, увчавшиеся успехом, не только в выборах волостного схода, но даже в выборах волостного старшины, который, как известно, должен исполнять некоторые чисто полицейские функции (вплоть до обысков и арестов). Вина в этом падает, главным образом, на наш III съезд и руководящие учреждения партии, которые не достаточно выяснили характер нашего участия в выборах местных самоуправлений.

Вообще более широкая масса начинает проявлять больше активности. Об этом свидетельствует манифестация 9 января в Риги и грандиозная демонстрация на похоронах одного товарища 28 февраля, тоже в Риги. За последнее время, между прочим, внимание нашей организации обращено на разъяснение широким массам всего значения так наз. „У-го всеобщего Латвийского певческого праздника“, который латвийская буржуазия устраивает, имея в виду 200-лётнюю годовщину присоединения Лифляндии к России. Наша буржуазия выставляет этот праздник, как всенародное торжество, и старается привлечь к празднованию его наиболее широкая масса. Социалдемократия, со своей стороны, указывает на то, что, если 40 лет тому назад „I-ый всеобщий Латвийский певческий праздник“ действительно был событием, объединившим до некоторой степени около себя только что проснувшихся от векового рабства массы латвийского народа, то нынешний праздник не представляет ничего подобного: 40 лет тому назад классы противоречия среди латвийцев не были еще ясно выражены и почти весь латвийский народ являлся одинаково безправной массой; но теперь положение выяснилось: нет уже „единого“ латвийского народа, а есть латвийская буржуазия и латвийский пролетариат. Устраиваемый праздник является классовым праздником буржуазии, той буржуазии, против которой Латвийский пролетариат ведет и будет вести беспощадную войну.

Заканчивая эти строки, хочу указать еще на одно обстоятельство. Прошло уже 4 года со времени Стокгольмского съезда, когда формально объединилась Л. С.-Д. Р. П. и В. С.-Д. Р. П., а фактически еще остались почти настолько же чуждыми друг другу, как и раньше. Необходимо на это обратить внимание. Необходимо латвийским товарищам ближе познакомиться с идейными течениями среди русской части Р. С.-Д. Р. П., чтобы выяснить их сущность, выяснить, какая часть партии является действительной носительницей идеи революционной с.-д.тии. И этого можно достигнуть не объединением в разных заграничных бюро, а на живом практическом деле. Таким живым делом является, наприм., организация внешней партийной школы, в которой чувствуется одинаковая необходимость, как

среди русских, так и среди латвийских товарищей. Необходимо соединиться для выполнения этого с той частью русской с.-д.тии, которая интересуется живого пролетарского дела, ставит выше интересов кружковщины, и которая способна серьезно работать для этого дела.

—РБ.

Изъ Москвы

I.

Начну описание с внутренней жизни низовой московской организации. В начале марта практическая работа сколько-нибудь систематически велась главным образом в Центральном районе, отчасти в Лесовтовском и Сокольническом. В Центральном у булочников удавалось проводить массовки в 30-40 человек. В других районах собирались связи, оформлялись районные и подрайонные комитеты. В это же время по районам делались доклады о партийной школе, приехавшим из нее слушателями. Сначала эти организаторам и слушателям относились с большим недоверием и подозрительностью, — под влиянием агитации, развитой „Пролетарием“, который постарался намазывать их страшными красками, как ажины на заборках маляков, с палачьими глазами, с бомбой в руках, готовых каждую минуту взорвать слабую, милую Думу, ту Думу, которая по мнению „Пролетария“ (см. приложение к 46 номеру) только одна способна возродить партию, явившись исходной точкой ее возрождения. Но по мере выяснения слушателями школы истинной подоплеки дела, недоверие и подозрительность разсыпались.

„Впередовцы“ — слушатели, чтобы убедить испуганных „ленинцов“ показывали свой настоящий лик; те недоумевали, когда увидели, что перед ними стоит самый настоящий живой большевик. С.-Д., — можно даже шутить руками; а страшный анархист с палачьими глазами и бомбой скрылся в многочисленных приложениях „Пролетария“, сложенных теперь в архив. Живой же большевик — „впередовец“ стоял перед ними и говорил самым настоящим человеческим языком: мы призываем использовать легальны и полуполегальны возможности, уж только по тому одному, что он все же является, при всей своей уродливости и ненормальности, завоеваниями самих же рабочих. Революционный С.-Д., — говорил „впередовец“, — должен использовать всякую легальную возможность, ничуть не смущаясь трудностями, перехода все прениятия, которые ставит С.-Д. реакция. Само собой разумеется, что использовать думскую трибуну, насколько это возможно, также следует. Но С.-Д.тия не должна укорачивать свои лозунги и отступать от революционных принципов, при использовании всех легальных возможностей, С.-Д.тия должна не беречь их во что бы то ни стало, а только пользоваться ими для прояснения классового самосознания, создавать в них опорные пункты для нападений на врага, всегда выдвигая вперед революционные принципы. С другой стороны С.-Д.тия должна бороться

съ тѣмъ, кто вселѣтъ агитацію противъ какого бы то ни было исползованія легальныхъ возможностей, потому что такой образъ дѣйствій не социалдемократиченъ. Дѣйствовать такъ, это значитъ прятаться въ уголъ подполья, пассивать передъ трудностями связанными съ исползованіемъ легальныхъ возможностей, отказываться отъ стремленія вліять на массовое движеніе. Революціонная С. Д. тѣя не можетъ торчать въ подпольѣ, если представляется хоть ничтожная возможность выйтить изъ него: не добровольно сдѣлать свои позиціи, какъ дѣлають опортунисты всѣхъ родовъ оружія, а каждую пядь сдѣлать съ бою, когда ее выбьютъ силой, но и тогда всетаки не терять надежды на захватъ. Но въ тоже время, говоритъ дальше «впередовецъ», исходнымъ пунктомъ возрожденія нашей партійной организаціи мы не должны брать Думу и другія легальныя возможности, ибо это поведетъ къ укорочиванію нашихъ лозунговъ и притупленію революціонности. Исходнымъ пунктомъ въ настоящее время, центромъ тяжести нашей работы должна быть нелегальная организація, — только при этомъ условіи удастся не угасить революціоннаго духа при исползованіи всякихъ «возможностей». Послѣ этихъ объясненій симпатіи къ «впередовцамъ» среди рабочихъ стали расти, не только въ нелегальной организаціи, но и въ легальныхъ. Напримѣръ: въ одной изъ самыхъ видныхъ легальныхъ организацій при выборахъ, въ началѣ за «Впередовца» подавали голосовъ менѣе всѣхъ, а потому, за этого же члена къ концу жизни организаціи, было подано голосовъ больше, чѣмъ за ленинцевъ и меньшевиковъ вмѣстѣ вмѣстѣхъ.

Дальше во внутренней жизни рабочей организаціи вышло до 1-го мая замѣтныхъ измѣненій не наблюдалось. Вся организація въ цѣломъ расширялась, процессъ собранія и оформиванія ячеекъ все время, хотя и медленно шелъ впередъ. Въ нѣкоторыхъ районахъ возникли кружки, но всѣ они носили случайный характеръ, — за отсутствіемъ пропагандистскихъ силъ наладить систематическихъ занятій все таки не удавалось. Въ низахъ создавалась неудовлетворенность, — изъ растущихъ потребностей не удовлетворялись. Не имѣя возможности, за отсутствіемъ силъ, наладить занятія въ кружкахъ, наткнувшись составу пропагандистовъ, чтобы удовлетворить нарастающую потребность рабочихъ массъ, приходилось по районамъ читать полураскрытыя, полуподклады: «О современномъ общественномъ положеніи и задачахъ Партіи», — осуществлять то или иное важное общественное выступленіе въ Думѣ, или вопросъ, возникающій въ Думѣ, но наибѣйшій важное значеніе для рабочихъ. Этимъ отчасти сдерживалось нарастающее негодованіе на Партію, создавшееся въ полусознательной массѣ, за то, что Партія ей ничего не даетъ. Рабочіе низы требовали нелегальной литературы, просили составлять списки книгъ для систематическихъ самостоятельныхъ занятій. И въ этомъ требованіи приходилось отказывать за полнѣйшимъ отсутствіемъ нелегальной литературы. Московск. К-ту на свои средства удалось издать только три листка, и тѣ рабочими читались съ жад-

ностью, въ особенноти листокъ «О законѣ 9-го ноября, несмотря на то, что онъ былъ составленъ не вполнѣ удовлетворительно. Составлять списки книгъ при теперешнемъ положеніи тоже почти невозможно, — старая брошюрная литература отчасти устарѣла, не подходитъ къ современнымъ условіямъ, другія, напримѣръ, многія брошюры Каутскаго, никогда не утеряють своей теоретической цѣнности, но онѣ переведены плохо и изложены сухо, недоступны для такихъ рабочихъ.

Организація находится прямо таки въ трагическомъ положеніи. Со стороны низовъ наблюдается оживленіе, растетъ интересъ къ организаціи (изъ провинціи присылали делегатовъ — изъ Богородска, Павлова Моск., Александрова Владимірской губ., просили литературы, но имъ пришлось за неимѣніемъ ея отказать), растутъ предъявляемыя ей требованія, а имѣющийся составъ руководящихъ силъ не въ состояніи ихъ удовлетворить. Трагизмъ этого положенія въ томъ, что очень многіе, входящіе въ организацію малосознательные рабочіе поступаютъ подобно гоголевскимъ крысамъ въ «Ревизорѣ»; подолбдуть, понюхаютъ и прочь уйдуть. Организація не удовлетворяетъ ихъ запросовъ и они просто уходятъ изъ нея.

Разъ партія не можетъ дать достаточнаго количества руководящихъ, живыхъ силъ, она должна найти другой выходъ изъ этого весьма печальнаго положенія: распространять какъ можно шире нелегальную литературу, издавать больше листовокъ на злобу дня, создавать новую брошюрную литературу, приспособленную къ современнымъ условіямъ. Надъ этимъ нашими верхамъ необходимо серьезно приздуматься. Выполнить эту задачу они несомнѣнно могли бы. Хватаетъ же у нихъ силъ на всякаго рода полемическую брехню, никому кроме нихъ самая ненужная.

Передъ Первымъ Мая я послѣ въ Москвѣ были провалы. Члены М. К-та временно за это время другъ отъ друга оторвались, каждый районъ работалъ изолированно. Въ Лефортовскомъ и Сокольницкомъ за это время, т. е. послѣ перваго мая, устраивались въ тѣсу значительныя массовки. Потомъ Иос. К. сѣбѣ удалось связаться съ районами.

II.

Въ этой части письма я намѣренъ коснуться жизни Моск. Ком. Въ началѣ марта собрался новый составъ М. К-та, который долженъ былъ имѣть планъ, практическихъ работъ въ Моск. орг-дн, но въ это время еще не во всѣхъ районахъ были произведены выборы, — и поэтому названный составъ Мос. К-та рѣшилъ отложить эту важную работу до полнаго собранія, и утверждалъ только выборы въ М. К-тъ представителя отъ легальныхъ организацій, — разошлся. Но потомъ ему такъ не удалось выполнить эту задачу.

Въ серединѣ марта въ организаціи распространился слухъ о прѣздѣ въ Пленарнаго Засѣданія Члена Центр. К-та, который будто бы дѣлаетъ доклады профессиональнымъ союзамъ и своимъ личнымъ знакомымъ (?) Послѣ долгихъ ожиданій М. К. наконецъ дождался доклада. Изъ доклада мы узнали, что пленар-

пое заседание Ц. К.-та постановило отказать русским организациям въ материальной поддержке. Ц. К. задумалъ действовать рѣшительно, чтобы привлечь русскія организации правильно платить членскіе взносы. Для этого онъ набралъ очень удачный моментъ, — у него какъ разъ выдѣлся очень большіе матеріалы средства, а рабочіе переживаютъ тяжелыя минуты, связанныя съ повальной безработицей. А чтобы заставить русскія организации энергично приступить къ членским взносамъ, въ Петербургѣ въ Москвѣ образовали финансовую комиссію при Ц. К. Тѣ средства, которыя могли бы перепасть въ карманъ русскіхъ организаций, Ц. К. тоже рѣшилъ выкапывать въ свою сумку. Этого рѣшительнаго шага привелъ въ содѣйствіе смущеніе русскія организации. Ц. К. какъ будто говорилъ: Что, дожидаться? Вотъ тебѣ! На, почувствуй! И русскія организации чувствуютъ, даже очень чувствуютъ!

Членъ Ц. К.-та сообщилъ М. К.-ту еще одинъ очень интересный фактъ, но тутъ чувствовать не приходится, а нужно подуматъ и очень подуматъ! «Негалавныя литературы, — говорилъ онъ — въ русскія организации попало только 2000 экземпляровъ въ теченіе 6 мѣсяцевъ — „Пролетарія“ и „Соціалдемократы“ вместе взятыхъ». При этомъ вужно конечно, имѣть въ виду, что въ пролетарскія-то руки даже изъ этихъ 2 тысячъ попало никакъ ужъ не болѣе 500 экзempl.

Въ концѣ марта была организована смѣшанная комиссія изъ представителей: Ц. К.-та, Област. Бюро и членовъ М. К. Въ этой комиссіи обсуждалась революція «о современномъ положеніи Партіи». Изъ М. К. было четверо: 2 ленинца, 1 меньшевикъ и 1 «Впередовецъ», 1 членъ Ц. К. (ленинец) и 1 изъ Об. Бюро (ленинец). Когда прочитали проектъ резолюціи, то въ цѣломъ все нашли ее пріемлемой. Пренія вызвали пунктъ 4-й, въ которомъ говорилось: «тактика социалстическаго протѣаріата въ Россіи должна быть приспособлена къ періоду длительной общественно-политической реакціи и въ тоже время имѣть въ виду наиболѣе вѣроятный путь краха царизма, каковыя являются извѣстнѣе его революціоннымъ патискомъ пролетаріата и крестьянской бѣдоты».

Представитель Ц. К.-та высказался противъ слѣдующихъ словъ въ 4-мъ пунктѣ: «и въ то же время имѣть въ виду наиболѣе вѣроятный путь краха царизма». Онъ говорилъ, что тутъ мы вѣсѣмъ въ противорѣчіе съ резолюціей, вынесенной на засѣданіи Плехука Ц. К., которая выражаетъ наиболѣе правильно современное положеніе. Тамъ говорилось: «мы должны вырабатывать тактику, рассчитанную на различныя пути, по которымъ можетъ пойти развитіе приспособляющагося абсолютизма». Въ защиту этого положенія членъ Ц. К. говорилъ: общественное положеніе очень сложно, въ промышленности замѣчается много прогрессивныхъ явленій, Россія вступаетъ на путь буржуазно-монархическаго развитія, все это говоритъ за то, что буржуазная монархія у насъ укрѣпится, крастетъ, а потому мы мынемъ буржуазно-демократическую революцію, и развиваясь по германскому типу перейдемъ пря-

мо къ соціальной революціи. Послѣ него вѣдетъ представитель Областнаго Бюро (тоже ленинец). Онъ защищаетъ пунктъ 4-й обсуждаемой резолюціи. Съ первымъ номеромъ Дискусіоннаго Листка въ рукахъ, онъ прежде всего дѣлаетъ упрекъ цеккету за неправильное пониманіе ленинской позиціи, въ доказательство цитируетъ изъ статьи Ленина. Цеккетъ все-таки настаиваетъ, что онъ Ленина понимаетъ правильно, и въ доказательство этого ссылается на то, что ему въ Плехумѣ приходилось много по этому вопросу толковать съ Ленинымъ. Далѣе областникъ при помощи той же почти аргументаціи, какую приводилъ членъ Ц. К., только стараясь привести гораздо болѣе фактовъ въ доказательство развитія прогрессивныхъ явленій въ промышленности, приходилъ къ другимъ выводамъ. Онъ говорилъ, что въ концѣ концовъ развивающимся прогрессивнымъ явленіямъ, реакція поставитъ препятствія, и кризисъ будетъ неизбежнымъ. Меньшевикъ отъ слова отказался, заявивъ при этомъ, что его позицію блестяще защитилъ членъ Ц. К. «Впередовецъ» въ цѣломъ находилъ резолюцію пріемлемой, только указывалъ на тотъ же четвертый пунктъ въ которомъ по его мнѣнію, нужно было выкинуть слова: «длительной общественно-политической реакціи». Само по себѣ слово «длительной», — говорилъ онъ — неопредѣленно, каждый въ него можетъ вкладывать свое содержаніе, растягивая и суживая. Резолюція же составляется для руководства въ практической дѣятельности, и поэтому всего неопредѣленнаго въ нухъ слѣдуетъ избѣгать. Далѣе онъ доказывалъ, что анализъ соотношенія общественныхъ силъ показывалъ общую лѣнію развитія которая ведетъ царизмъ къ краху, а гадать, скорѣе-ли это будетъ, не дѣло марксиста. Тогда зрѣнія представителя Областнаго Бюро, по мнѣнію «впередовца» внутренне противорѣчива. Съ одной стороны мы вѣсѣмъ на путь буржуазно-монархическаго развитія: въ промышленности прогрессивныя явленія и при этомъ «длительная реакція»; съ другой — крахъ царизма. Если такъ, то прогрессивныя явленія и длительная реакція, какъ разъ и помогутъ укрѣпиться буржуазной монархіи, тогда о крахѣ мечтать не придется, а страна выйдетъ на путь органическаго развитія. На этомъ пренія пока и закончились.

Передъ Первымъ Мая русское Бюро Ц. К.-та обратился къ М. К. съ просьбой напечатать ему первомайскій листокъ. Времени уже оставалось немного, — если взяться напечатать листокъ М. К., то приходилось отказываться отъ своего и уступить Ц. К.-ту. Рѣшили ему уступить, по онъ такъ затянулъ присылку рукописи, что печатать его нужно было почти передъ самымъ первымъ мая.

А тутъ пошла аресты, напечатать — напечатать, а распространить не удалось. Все было уничтожено.

На Пасхѣ, передъ 1 мая секретарь М. К. (рабочій-ленинец) обратился къ «впередовцамъ» съ предложеніемъ согласиться на счетъ работы и вообще тѣсно связаться — «обо взаимогласіи между нами» — говорилъ онъ — нѣтъ, а до вѣдѣльностей намъ дѣлать, чортъ съ ними — пускай грызутся. Потомъ онъ говорилъ, что

необходимо понаблюдать намъ совместно на русское (Вюрго Ц. К.), — ибо ни чертъ кно не дѣлается, а въ то же время имѣть боюшій материалъ средоточиваетъ себя по отношенію къ намъ возмущительно, — не помогаетъ намъ чѣмъ намъ и не считается съ нашими указаніями. Вскорѣ послѣ этого соборазъ Нолонит. Коммисіи при М. К. изъ трехъ ленинцевъ и одного впередца, меньшевикъ отсутствовалъ. Въ началѣ было рѣшено ѣздить въ Москву съ практической работы въ Москвѣ, а потомъ стави́ть подвѣтъ объ отношеніи къ русскому Ц. К. ту (это было поставлено въ порядокъ дня) и въ результатѣ рѣшили выбрать двухъ делегатовъ для переговоровъ съ Р. Ц. К. Выбрали одного ленинца и одного впередца. М. К. постановила потребовать черезъ своихъ делегатовъ отъ русского Ц. К. денежныя отчета, спросить его, что онъ сдѣлалъ для изданія штакетъ, для налаживания транспорта, добиваясь, чтобы онъ тѣснѣе связался съ М. К., помогая ему своими указаніями и высказывая бы замѣчанія М. К. на счетъ его дѣятельности. Если же онъ не дастъ удовлетворительнаго отчета на эти требованія, тогда объявить Московскую организацію извѣстивъ отъ русского Ц. К. и не подчиняющейся директивамъ его, какъ учрежденія дѣйствующаго псазксисъро тгустипи, конечно, революцію съ объясненіемъ своего поступка.

Аресты перелѣ первымъ мая псмѣшали бы исполнить это постановление.

Рабочій Ар.

О настроеніяхъ и запросахъ современнаго рабочаго

(Изъ ПЕТЕРБУРГА)

За послѣднее время всѣмъ, болѣе или менѣе близко стоявшимъ къ жизни партійныхъ организацій, отмѣчается значительная перемена въ настроеніи и переживаніяхъ пролетаріата.

Здѣсь я только въ общихъ чертахъ постараюсь обрисовать эти «новыя вѣянія» среди пролетаріата. Но предварительно долженъ замѣтить, что мои сужденія и выводы, главнымъ образомъ, основаны на фактахъ изъ жизни питерскаго рабочаго; относительно же пролетаріата другихъ мѣстностей, главнымъ образомъ, провинцій, прямыхъ наблюденій не имѣется, хотя корреспонденція въ партійной печати и частныя письма заставляютъ думать, что *тѣ же* приблизительно черты наблюдаются и тамъ.

Оживленіе въ той или иной формѣ и степени замѣчается почти во всей массѣ рабочаго класса: и наверху, и внизу, у передовыхъ рабочихъ, и у низовъ.

Оно выражается въ повышающемся интересѣ къ фактамъ политической и общественной жизни, въ появленіи среди рабочихъ цѣлаго ряда запросовъ, которые растутъ день ото дня, въ громадномъ спросѣ на нелегальную литературу. Характеръ запросовъ, какъ и спросъ на литературу у передовыхъ рабочихъ, конечно, не одинаковъ съ характеромъ запросовъ низовъ, но между ними есть одно несомнѣнное сходство: какъ низы,

такъ и верхи предъявляютъ спросъ на литературу новаго типа.

Низы нуждаются въ широкой, популярной литературѣ — листкахъ, брошюркахъ, а главнымъ образомъ газетѣ.

Запросы у низовъ много и запросы самаго злободневнаго характера. Старая литература не можетъ на нихъ отвѣтить по той простой причинѣ, что эти запросы были ей совсѣмъ не извѣстны. А если есть среди этой старой литературы цѣнная книга, то ихъ непопулярный, недоступный для широкихъ массъ языкъ дѣлаетъ ихъ недоприимчивыми.

И рабочіе за отсутствіемъ всякой литературы читаютъ кадетское «Современное Слово». У питерскихъ рабочихъ теперь это самая ходкая газета.

Нужно-ли говорить, что такая газета можетъ лишь затѣмнить сознание не разобравшагося рабочаго, что не только со стороны освѣщенія, но и со стороны фактическаго содержанія она и въ минимальной степени не удовлетворяетъ рабочаго.

Но рабочій интересуется фактами политической жизни и потому читаетъ ее. Рабочіе сами отлично сознаютъ полную неудовлетворительность читаемыхъ ими легальныхъ газетъ. Мы не разъ приходилось отъ нихъ слышать такого рода предложенія: почему-бы не попытаться создать популярную, легальную газету для самыхъ широкихъ слоевъ рабочей массы, которая сообщала бы хоть фактическій матеріалъ и была бы чужда тѣхъ искаженій, какія допускаются въ кадетскихъ газетахъ; мысль создать маленькую популярную газету одно время очень занимала головы рабочихъ. Вопросъ объ изданіи такой газеты обсуждался на страницахъ легальныхъ органовъ профессиональной печати. Много было потрачено въ этихъ писаніяхъ красноречивыхъ доказательствъ въ пользу созданія такой газеты, много было призывовъ къ работѣ, но дальшее обсужденіе и призывовъ дѣло не пошло — цѣлый рядъ внутреннихъ, а еще болѣе вѣншихъ прѣпятствій громаднымъ непропичаемъ дѣломъ вырасталъ на пути къ осуществленію этого предпріятія. И вопросъ о созданіи легальной газеты затихъ самъ собой.

Но отъ этого, конечно, не уничтожается наличность острой потребности въ газетѣ. Само собою разумѣется, что легальная газета не могла бы и на половину удовлетворить потребности рабочихъ, — тутъ нужна легальная газета, гдѣ имѣется съ популярностью изложенія и освѣщенія всѣхъ вопросовъ текущей жизни совмѣстности-бы и богатое фактическое содержаніе — но здѣсь важенъ фактъ желанія рабочихъ своими силами создать хоть какое нибудь подобіе рабочаго органа. Для питерскаго рабочаго, слишкомъ искушеннаго въ области всякихъ легальныхъ правъ, этотъ фактъ чрезвычайно знаменателенъ: онъ съ неопровержимой убѣдительною и еще лишній разъ свидѣтельству о томъ, какъ остро ощущается потребность именно въ популярной, приспособленной для широкихъ массъ, небольшой рабочей газетѣ.

Изъ другихъ фактовъ и запросовъ въ жизни низовъ слѣдуетъ еще несомнѣнно отмѣтить стремленіе рабочихъ войти въ нелегальную организацію. Въ значительномъ своемъ большинствѣ рабочіе, входящіе или обнаруживающіе стремленіе войти въ нелегальную организацію, пришли прямо

нов, легальных возможностей. Они пережили период увлечения легальными возможностями и одни снова возвращаются к нам, другие идут впервые. Да и могло-ли быть иначе? Рабочий шел в легальных возможности, увлекался ими, надеясь кой-что от них получить, найти там даже ответы на свои запросы, а ему, вместо ответов по волеугодничеству его общественным и политическим вопросам, давали уроки арифметики, лекции по химии, географии. Всякая же попытка дать не урок арифметики, ставила легальное общество под дамоклов меч. Цѣлый дѣсь полицейскихъ рогатокъ, всякаго рода предусмотрѣній и циркуляровъ замыкала каждое легальное общество, чрезвычайно затрудняя, если не парализуя со-вѣстнѣ, всякую работу въ немъ. Понятное дѣло, что при такихъ условіяхъ рабочіе не могли получить того, зачѣмъ они шли и не получить, многіе ушли изъ легальныхъ обществъ; ушли, но вопросы своихъ не бросили: слышомъ волну-ють ихъ эти вопросы, чтобы такъ легко можно было отъ нихъ отдѣлаться. За отвѣтомъ на нихъ они пошли и идутъ въ нелегальную организацию.

И вотъ теперь для организации наступилъ крайне важный и серьезный моментъ. Нелегальная организация должна все сдѣлать, чтобы отвѣтить на запросы пришедшихъ рабочихъ, дать имъ ту пищу, въ которой они теперь нуждаются. Если нелегальная организация сумеетъ это сдѣлать, она навсегда закрѣпитъ свое вліяніе въ рабочихъ низахъ.

Закрѣпивъ-же свое вліяніе въ низахъ, нелегальная организация положитъ первый камень возро-жденія самой себя въ дѣйствительно пролетарскую партію. Что же можетъ сдѣлать наша партія сей-часъ въ данномъ направленіи? Прежде всего, какъ я уже отмѣчалъ, нужно создать широкую попу-лярную, обслуживающую запросы и требованія этихъ рабочихъ специальную литературу. Затѣмъ партія должна имѣть достаточный составъ пропа-гандистскихъ, организаторскихъ и агитаторскихъ силъ, ибо одной литературой нельзя удовлетво-рить рабочихъ; кружковая, систематическая про-паганда должна быть основной школой социали-стической подготовки пролетаріевъ, и стало-быть нужны и пропагандисты, нужны люди, способные къ отвѣтственной работѣ. Партія должна позабо-титься о созданіи и выработкѣ такихъ работни-ковъ изъ пролетарской среды. Путь къ этому уже указанъ (примѣръ: школа въ NN).

Отъ низовъ перейдемъ теперь къ верхамъ, къ передовому слою рабочихъ. Всѣми, чуть-ли не каждымъ, отмѣчается тотъ фактъ, что запросы и требованія передовыхъ рабочихъ страшно возросли и расширились за послѣдніе годы, возросли и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніяхъ. Передовые рабочіе предъявляютъ теперь такіе за-просы къ организации и своимъ руководителямъ, какихъ не зналъ не только рабочий дореволюціон-ныхъ дней, но и рабочий дней революціи. Эти запросы настолько новы, что пропагандистъ ста-раго типа ихъ не знаетъ или почти не знаетъ.

Чтобы удовлетворить эти запросы, нуженъ пропагандистъ другого типа и литература другого характера, чѣмъ та, что имѣется. Такъ говорятъ многіе, если не всѣ, и говорятъ несомнѣнно вѣрно.

Но это не все. Сказать, что запросы повыси-лись, отмѣтить только самый фактъ повышения ихъ, значитъ сказать только половину того, что нужно и слѣдуетъ сказать. Надо еще понять, въ

какую сторону направляются эти запросы, какія формы принимаютъ, и въ чемъ собственно за-ключается самый фактъ повышения требованій рабочихъ. Надо прислушиваться, надо присматри-ваться, надо ближе подойти къ передовому ра-бочему, чтобы понять правильно бѣніе пульса въ его умственныхъ артеріяхъ.

Насколько я могъ прослѣдить запросы передо-выхъ рабочихъ, они сводятся къ слѣдующимъ двумъ основнымъ задачамъ: 1) основательное теоретическое образованіе, 2) самостоятельный разборъ и инициативность въ вопросахъ текущей жизни. Положенія эти разбиваются на цѣлый рядъ вопросовъ, которые особенно занимаютъ мысль рабочего въ данный моментъ. Вопросы эти слѣ-дующіе: философія марксизма, понимая ее въ са-мыхъ широкихъ размѣрахъ, исторія, главнымъ образомъ, русская, обзоръ современныхъ формъ движенія рабочихъ на Западѣ; синдикализмъ, анархизмъ, вопросъ о парламентаризмѣ, вопросъ объ экономическомъ состояніи современной Россіи, о законѣ 9-го ноября, о крестьянствѣ, о формахъ русского рабочего движенія. Какъ видно изъ пере-численныхъ вопросовъ, тутъ на ряду съ такими отвлеченными и теоретическими вопросами, кѣль философія марксизма, встрѣчаются самые злобо-дневные вопросы — законъ 9-го ноября, обще-е экономическое положеніе страны и т. д. И этъ въ высшей степени характерно для русскаго п-редового рабочего. Онъ не хочетъ ни зарытъ въ вопросахъ теоретическихъ, ни ограничитьъ злобой дня. Для него эти вопросы и теоретиче-скіе, и практическіе связываются въ единствѣ его практическаго дѣйствія. Внутренняя связь между теоріей и практикой превосходно понимается пе-редовымъ рабочимъ; онъ становится самъ на свои ноги, самъ начинаетъ критически и самостоятельно относиться ко всѣмъ фактамъ текущей жизни.

Передъ нами теперь стоитъ огромная задача: распутать тотъ сложный клубокъ общественныхъ отношеній и скрестившихся въ ней разнообраз-ныхъ силъ, какой завязала русская дѣйствитель-ность.

Овлаждать своеобразіемъ скрестившихся въ этомъ клубкѣ общественныхъ силъ невозможно безъ широкаго теоретическаго кругозора, — словомъ дѣй-ствительность выдвинула теорію „въ красный уголъ“ современной жизни, и мы, такъ сказать, самымъ носомъ уперлись въ теорію. Многіе эту позу находятъ удобной и просто довольствуются тѣмъ, что тутнулись. Передовые пролетаріи не хотятъ и не могутъ удовлетвориться такимъ по-ложеніемъ: имъ нужно активное отношеніе къ теоріи.

И они дѣйствительно проявляютъ его. Съ энер-гіей и упорной настойчивостью человѣка, кото-рому данная вещь нужна во что-бы-то ни стало, рабочіе разыскиваютъ для себя книги, хоть сколько-нибудь подходящія, бѣгаютъ по bibliote-камъ, обращаются къ знакомымъ интеллигентамъ за указаніями и книгами, раскапываютъ остатки библиотекъ 1905 года, достаютъ всякіе журналы, усердно читаютъ и перечитываютъ все, что удается достать.

Я знаю одного рабочего. Онъ интересовался главнымъ образомъ двумя вопросами: историче-скимъ материализмомъ и современнымъ экономи-ческимъ состояніемъ Россіи, въ особенности-же первымъ. Энергія его по части добыванія книгъ и всякихъ матеріаловъ прямо не знала предѣловъ:

онъ проникалъ всюду, куда только можно проникнуть — былъ въ легальныхъ библиотекахъ, обошелъ всѣхъ своихъ товарищей и знакомыхъ, проѣзжалъ черезъ посредство интеллигентовъ къ буржуазной публикѣ, надѣясь тамъ что-нибудь получить. Путемъ этихъ стараній онъ счумлъ достать многое изъ того, что ему нужно было. Добросовѣстно и внимательно читалъ и перечитывалъ онъ все, что удавалось достать по этому вопросу (историческому материализму); тутъ были и „Монистическій взглядъ“, и Мерингъ — „историческій материализмъ“, и Покровский, и Юшкевичъ.

Послѣ этой лихорадочной горячки чтенія, мнѣ какъ-то пришлось съ нимъ бесѣдовать. Я спросилъ его, насколько успѣшно идутъ у него занятія, и отвѣтъ получился далеко не удовлетворительный. Этотъ товарищъ, котораго я знаю, какъ одного изъ самыхъ передовыхъ рабочихъ, искренне жаловался, что яснаго и полного представленія объ историческомъ материализмѣ изъ всѣхъ этихъ книгъ онъ далеко не получилъ; нѣкоторое представление, конечно, получился, но далеко не полное и не законченное. Не знаю, — добавилъ онъ въ заключеніе — „моя ли неподготовленность тому причиной, или сами книги написаны не такъ, какъ надо было-бы писать, но несомнѣнно одно: отъ чтенія ихъ я не получилъ того, на что надѣялся“. Мнѣ кажется, что въ данномъ случаѣ это — не вина товарища. Неудовлетворительные результаты тутъ въ значительной степени зависѣли отъ самаго характера книгъ. ~~Книги~~ Эти по преимуществу излагаютъ историческій материализмъ, какъ опредѣленную научную систему, въ лучшемъ случаѣ выясняютъ изъ какихъ теченій научной мысли выросъ и развился историческій материализмъ (Бельтовъ, Монист. взглядъ). Живыхъ же фактовъ, на основѣ которыхъ съ очевидностью должна вытекать эта теорія, развертывающейся широкой картины зависимости всѣхъ родовъ и типовъ „идеологій“ отъ основы общественной жизни — экономики — ни такихъ фактовъ, ни такой картины по большей части не дается. Мудрено-ли, что и передовой рабочий по прочтеніи всѣхъ этихъ книгъ въ сущности не получаетъ полного представленія объ историческомъ материализмѣ, или, въ худшемъ случаѣ, получаетъ представление неправильное, какъ о мертвой схемѣ, въ которую втискиваются и подъ которую подстригаются всѣ неумѣщающіяся въ ней исторические факты и явленія (кстати сказать, книга Бельтова „Монистическій взглядъ“, особенно можетъ вызвать такое неправильное представление объ историческомъ материализмѣ).

Я привелъ только одинъ примѣръ (могъ-бы привести и больше, да въ этомъ нѣтъ надобности) той поразительной духовной жажды и тѣхъ неудовлетворительныхъ результатовъ, къ которымъ, къ сожалѣнію, приводитъ чтеніе теперешней литературы.

Стремленіе осознать, понять свою классовую позицію, самостоятельно безъ посторонней указки разобраться во всѣхъ текущихъ вопросахъ, вотъ что цѣлкомъ захватило теперь всѣхъ передовыхъ рабочихъ. Для этихъ цѣлей они пользуются всѣми путями и средствами, не жалѣя ни времени, ни силъ. Съ неумѣраннымъ трудомъ достаются западные статистическія данныя, ничего не дающія рабочимъ, покупается и читается „Экономистъ Россіи“, „Торгово-промышленная газета“, внимательно прислушиваются къ голосу разныхъ

„торгово-промышленныхъ“ сѣздовъ, слѣдятъ за дѣятельностью и жизнью предпринимательскихъ синдикатовъ, нѣкоторыми пишутся письма въ деревню, чтобы узнать, какое дѣйствіе и результаты приноситъ законъ 9-го ноября.

Къ чему принципиально сводятся всѣ эти запросы и требованія рабочихъ? Принципиально они сводятся къ слѣдующему положенію: если раньше, до революціи и въ самой революціи, русскій рабочий росъ какъ демократъ, какъ вождь всей демократіи, то теперь, въ годы реакціи, онъ растетъ какъ социалистъ, какъ членъ своего класса. Къ этому положенію, повторю, сводятся всѣ запросы рабочихъ. Рабочій теперь растетъ, какъ социалистъ. Ростъ-же и развитіе его, какъ социалиста ознаменуетъ собой расширеніе теоретическаго и политическаго горизонта и, слѣдовательно, начало самостоятельности, и инициативности его классовыхъ выступленій, а, значитъ, и начало возрожденія партіи.

Наша задача заключается въ томъ, чтобы помочь естественному росту рабочаго, пойти на встрѣчу его нуждамъ и требованіямъ. Здѣсь требуется созданіе особой, специальной литературы, литературы, приспособленной къ потребностямъ этого слоя рабочихъ. Нуженъ цѣльный рядъ статей и работъ по вопросамъ историческаго материализма, пролетарской культуры, синдикализму, экономическому состоянію Россіи, по вопросу объ организаціи предпринимателей, о синдикатахъ, биржахъ труда и м. др. И чѣмъ партія скорѣе заполнитъ этотъ пробѣлъ, тѣмъ быстрѣе пойдетъ процессъ роста социалистическаго сознанія рабочихъ, а, слѣдовательно, и процессъ возрожденія партіи.

Отъ запросовъ и теченій Фрѣды рабочей массы, перейдемъ теперь къ наиболѣ крупнымъ событіямъ въ Петербургѣ за эти послѣдніе 3-4 мѣсяца. Изъ этихъ событій слѣдуетъ отмѣтить два: „пьяную“ кампанию и кампанию связанную со сѣздомъ по борьбѣ съ проституціей. На нихъ я остановлюсь, главнымъ образомъ, потому, что исходъ этихъ кампаний, вѣрнѣе, одной первой, въ значительной степени повліялъ на настроеніе и отношеніе петербургскихъ передовыхъ рабочихъ къ легальнымъ сѣздамъ вообще. Первая кампанія по признанію многихъ сошла очень хорошо въ смыслѣ удачности демонстративнаго выступленія нашей делегаціи. Задолго до созыва сѣзда рабочіе начали усиленно готовиться къ своему выступленію. Велась агитація, устраивались собранія, читались доклады, мобилизовались почти всѣ силы. Благодаря такой энергичной кампаніи рабочіе смогли подготовиться къ сѣзду. На сѣздѣ были выставлены лучшія силы. Извѣстно, чѣмъ закончился „пьяный“ сѣздъ, — всѣ эти лучшія силы уже не могли послѣ сѣзда вернуться въ организаціи: Столыпинъ убралъ ихъ. Такой исходъ оказалъ очень замѣтное вліяніе на рабочихъ, принимавшихъ въ сѣздовской кампаніи участіе. Рабочіе рѣзко измѣнили свое отношеніе къ участию въ сѣздахъ. И уже слѣдующій за „пьянымъ“ сѣздомъ, сѣздъ по борьбѣ съ проституціей протекалъ совсѣмъ въ другой обстановкѣ, при измѣнившемся отношеніи и настроеніи рабочихъ. Предсѣздовская кампанія велась слабо, или совсѣмъ не велась; половина организаціи (три района) высказалась за бойкотъ сѣзда и въ томъ числѣ одинъ районъ, принимавшій самое дѣятельное участіе въ предыдущей кампаніи (передъ

сблизит и делит за полторы была вынуждена от центрального бюро профессиональных козлов очень интересная анкета, но она не получила распространения).

Очевидно, отношение к легальным съездам изменилось. Среди рабочих создается такое течение и такой взгляд на участие в съездах: участие в съездах призывает предпринимать доверие рискованным, ибо использование для покупки очень дорогой цдлой, потерей лучших сил, которые сейчас очень нужны для нелегальной организации. Выдвигается простой принцип целесообразности и с этой точки зрения находить, что, пока мы не укрепили своей нелегальной организации, или пока не создали особого кадра работников, приспособленных к легальной или полуполитической работ, нам, чтобы не растрчивать и эти слишком ничтожные силы, от участия в съездах придется отказываться. Таков взгляд некоторых передовых рабочих. В следующем письме я ближе коснусь и самым легальным возможностей и этого взгляда. Вопрос о легальных возможностях у нас страдает очень большой неясностью и туманностью: надо их расписать в ту или другую сторону.

Ткач И.—н.

О том, как не надо составлять денежные отчеты

(По поводу отчета З. Б. Ц. К.)

1. Доходы Ц. К.

Заграничное Бюро Центрального Комитета нашей партии опубликовало недавно денежный отчет Ц. К. с февраля по 30 апреля 1910 года, т. е. за первые три месяца обновленной деятельности «объединенного» Ц. К. В виду того, что это первый отчет Ц. К. после его «возрождения», каждый член партии, конечно, с большим вниманием прочтет его, ибо в сухих цифрах франков и сантимов перед ним раскроется картина работы высшего центра партии. Подобно тому как по росписи государственных доходов и расходов российские граждане могут составить себе определенное представление о деятельности своего «правительства», так и члены партии могут оценить деятельность Ц. К. по его росписи.

Попытаемся дать здесь краткий разбор финансового отчета Ц. К.

Приступая к нему, мы вообще, конечно, не можем не выразить удовольствия по поводу самого опубликования отчета, ибо мы, члены партии до сих пор, надо сознаться, были не очень изоблажены в этом отношении. Мы иногда чуть ли не тогда не имели денежных отчетов от наших центров, а некоторые из них успевали даже прекратить свое существование, ни разу не вспоминая, — хотя бы перед самой кончиной, — о своей подотчетности перед партийными организациями, их избравшими. Так случилось, например, с Большевикским Центром, распустившим себя, без представления большевикам своего отчета.

Итак, повторяем, появление отчета вообще надо очень приветствовать. Но надо высказать пожелание, чтобы следующий отчет вышел, во-первых, в более краткий срок (за 2 хотя бы

месяца), а, во-вторых, чтобы он вышел без опоздания: этот, кончающийся апрелем, появился в конце июня.

Переходим к разбору цифр. Первое, что останавливает внимание, это значительные размеры итогов: приход за три месяца равен 49601 фр., т. е. почти 19 тыс. рублей, а расход 45452 фр., т. е. 17 тыс. руб. (в круглых цифрах). Можно бы было радоваться такому крупному бюджету, но сами по себе размеры еще не достаточны для суждения, ибо надо знать насколько *устойчива и постоянна* бюджет. Каковы же источники его доходной сметы?

Из 49601 фр. дохода, как видно из отчета, 36000 фр. поступило «из кассы Ц. К.», а 11870 фр. «из сумм, находящихся в распоряжении держателей на специальных цели». Что касается первой суммы, т. е. 36000 фр., то обозначение ее источника представляет нам не вполне понятным. Что значит «из кассы Ц. К.»? Вдв из этого можно подумать, что есть какой-то особый бюджет Ц. К., отдельный от бюджета Загр. Бюро Ц. К., тогда как в действительности, — это видно из отчета, — дело обстоит не так и все расходы Ц. К. ведутся Загр. Б. Ц. К. Поэтому вместо того, чтобы писать «из сумм Ц. К.», составители отчета должны были или сами указать, из какого источника в Ц. К. эта сумма поступила, или же напечатать особый доходный бюджет Ц. К. с объяснениями относительно этой суммы. Объяснения же необходимы, ибо без них никто из членов партии не может судить о том, насколько постоянны и устойчивы доходы Ц. К., т. е. составляются ли они из взносов рабочих, или из случайных пожертвований и из каких именно. Если же источник по конспиративным причинам не может быть указан, так и надо сказать.

Вторая сумма — 11870 фр. от каких-то «держателей» — еще более непонятна. Какие такие «держатели», почему они «держат» или «держали» деньги Ц. К., на какие «специальные цели» эти деньги предназначены, ничего и никто не поймет здесь. Вдв писать так — это все равно, что пишется в российской государственной росписи: «На известное его императорскому величеству употребление». — Вдв члены Ц. К. не императорское величество и известное имя «употребление» или должно быть известно членам партии или, в случае особо конспиративном, особо и оговорено. Эти два непонятных суммы (36000 фр. + 11870 фр. = 47870 фр.) составляют больше 95% доходного бюджета Ц. К. Остальные 1731 фр. составились из мелких получек от разных *заграничных* групп (Парижской, Стокгольмской, Тулузской и т. д.), от с.д. группы Выш. Женских Курсов в СПБ. (97 фр.) и от «продажи изданий Ц. К.» (428 фр.). Собственно говоря, только последняя статья дохода является определенной и радующей взгляд партийного человека: остальное либо случайные пожертвования и результаты заграничных «вечеринок», либо доходы, известные маленьким «императорским величества» из состава З. Б. Ц. К. Р. С. Д. Р. П.

Таким образом мы имеем право сделать вывод, что доходный отчет Ц. К. составлен системно и что на нем члены партии должны учиться не тому, как надо, а тому, как не надо

составлять денежные отчеты партийных организаций.

II. Расходы Ц. К.

Переходим къ сметѣ расходовъ:

Общій итогъ ихъ, какъ мы сказали, равенъ 45462 фр. за три мѣсяца. Следовательно, въ среднемъ выходить по 15 тысячъ фр. слишкомъ въ мѣсяць, т. е. по полъ-тысячи франковъ въ сутки (въ переводѣ на русскія деньги — около 6 тыс. рублей въ мѣсяць, т. е. около 200 рублей въ сутки). Сумма, какъ видите, очень крупная.

Какъ же она расходовалась?

Прежде всего, опять отделимъ «непонятныя» суммы. Къ нимъ относятся одна мелкая сумма — 365 фр. на «разные расходы» и одна очень крупная — на «уплату долговъ» 17125 фр. Почему не сказано, какіе именно долги и почему не оговорено, если они конспиративные, — неизвестно. Поневоля, значитъ, приходится признать, что больше трети расходовъ (17 тыс. фр. изъ 45-ти тысячъ фр.) не ясны и относятся все къ тому же «известному ихъ величеству» употреблению.

Поэтому отбрасываемъ эту сумму и попробуемъ разобратся въ остальныхъ расходахъ, которые безъ этой суммы составятъ 28327 фр., т. е. больше 9 тыс. фр. въ мѣсяць. Эти 28327 фр. распределяются такъ:

Ред. Ц. О. и гонорары	3531
Экспедиция и разс. газетъ въ конвертахъ	4022
Расходы З. Б. Ц. К. (диета, выписка газетъ, разъѣзды и друг. орган. расходы)	3198
Транспортъ	3127
Слѣдственные комиссіи	1630
Думская комиссія	450
Субсидія «Правдѣ» и диѣта представителю Ц. К.-та	2000
Секретарскіе расходы	157
Разные расходы	365
Расходы по пленуму Ц. К.	651
Послано въ Россію въ Б. Ц. К.	9191

Главная, въ количественномъ и качественномъ смыслѣ статья расхода — это отправленные въ Россію, въ Бюро Ц. К.* 9191 фр., т. е. по 3 тыс. фр. въ мѣсяць, или по 100 фр. въ сутки. На что расходовало русское бюро Ц. К. эти большіе деньги, неизвестно, — въ отчетѣ объ этомъ ни слова. А между тѣмъ, знать это, конечно, для членовъ партіи всего важнѣе: пошли ли эти деньги на помощь организациямъ, действующимъ въ Россію, сколько истрачено на изданіе въ Россіи литературы, сколько пошло на содержаніе самаго «Бюро Ц. К.*»? Все это надо знать и все это остается невѣдомо. Поэтому мы вправѣ вѣрять тѣмъ товарищамъ изъ Россіи, которые сообщаютъ, что отъ Ц. К. денежной помощи организации, действующія въ Россію, за это время не получали. А если такъ, то еще и еще разъ скажите, — на что именно тратились эти 3 тысячи въ мѣсяць, посланные въ Россію? — Отвѣта нѣтъ.

Изъ остальныхъ статей расхода поражаютъ вниманіе, прежде всего «экспедиция и разсылка газетъ въ конвертахъ» (4022 фр., т. е. по 1300 фр. въ мѣсяць) и «транспортъ» 3127 фр. (т. е. по 1000 фр. въ мѣсяць). Сами по себѣ эти цифры были бы, пожалуй, и не велики, но оцѣнить ихъ можно, во-первыхъ, когда знаешь, что именно и въ какомъ количествѣ «экспедировано» и «транспортировано» и сколько (хотя бы приблизительно) дошло въ Россію. Всѣ знаютъ, что

Ц. О. выходитъ рѣдко, а въ февраль—апрѣль выходилъ не чаще обыкновеннаго, что «Дискуссионный Листокъ» тогда не выходилъ еще, всѣ знаютъ также; что въ Россію Ц. О. доходилъ чуть не по одному экземпляру на городъ. Поэтому необходимо поясненія къ этимъ цифрамъ: въдѣ если «экспедиція» экспедируетъ Ц. О. только въ Нанси, Цюрихъ, Тулузу и пр., то на это по тысячѣ фр. въ мѣсяць, право, не стоитъ тратить. Кромѣ того, надо болѣе точно указывать употребленіе денегъ, въ частности: сколько тратится на содержаніе самой экспедиціи (помѣщеніе, жалованье заведующему и пр.) и сколько на отсылку литературы. Иначе всѣ эти цифры—пустой звукъ.

Почти такимъ же пустымъ звукомъ являются и нѣкоторыя другія статьи. Взять хотя бы, напр., «расходы по пленуму Ц. К.» (651 фр.). Что это именно за расходы — оплата ли проѣзда членовъ Ц. К. на пленумъ и т. д.? Все это надо раскрыть и сообщить подробно.

Такъ же малопонятна графа: «Редакція Ц. О. и гонорары» — 3531 фр., т. е. почти по 1200 фр. въ мѣсяць. Въдѣ на такую сумму можно требовать большаго, чѣмъ изданіе одного номера Ц. О. въ мѣсяць. Надо знать, сколько лицъ изъ членовъ редакціи получаютъ жалованье и въ какомъ размѣрѣ? Если всѣ пять членовъ и въ достаточномъ размѣрѣ (по итогу это можно думать), то почему остаются у нихъ, несомнѣнно, отъ рѣдкихъ выпусковъ Ц. О. время, редакція не пользуется на писаніе агитационныхъ и пропагандистскихъ брошюръ и т. д.? Если литераторъ живетъ на средства партіи, онъ обязанъ отдавать ей возможно большію долю своего рабочаго времени. Необходимо знать, сколько членовъ редакціи и по сколько получаютъ и какъ распределяется между ними работа.

«Субсидія «Правдѣ» и диѣта (т. е. жалованье) представителю (въ «Правдѣ») Ц. К.-та» — 2000 фр. Опять цифры спутаны: «субсидія» не отдѣлена отъ «диѣты», между тѣмъ какъ, не зная отдѣльно цифры той и другой, нельзя судить объ этомъ расходѣ.

Еще болѣе спутаны цифры въ графѣ «Расходы З. Б. Ц. К.*». Эта цифра оставлена точно въ напечатаніи. Въ самомъ дѣлѣ — «диѣта, выписка газетъ, разъѣзды и другіе организационныя расходы»??? Почему «выписка газетъ», напримѣръ, отучилась въ бюджетѣ З. Б. Ц. К., а не въ расходѣ редакціи Ц. О. А главное, зачѣмъ все это свалено въ кучу? Представьте себѣ, что кто нибудь, купивъ пузырекъ чернилъ въ 5 копѣекъ и истративъ на покупку дома 5 тыс. рублей, соединилъ бы эти два расхода въ одну графу и написалъ бы: «хозяйственные расходы, покупка чернилъ и пр. 5000 р. 5 к.*». Не зная, что сюда вошелъ цѣлый домъ, вы могли бы подумать, что онъ на всѣ 5 тысячъ купилъ чернилъ, вызилъ ихъ въ бассейнъ и ежедневно въ нихъ купался. А зная, вы бы сказали, что онъ или не умѣетъ или не желаетъ составить отчетъ такъ, чтобы его можно было понять и разобрать. Такъ и съ этой графой: «расходы З. Б. Ц. К.*. Кто ее пойметъ и разберетъ? — Думается, никто.

Такимъ образомъ и расходная смета составлена скверно. И по ней опять можно только учиться тому, какъ не слѣдуетъ составлять денежные отчеты партийныхъ организаций.

Заканчивая этотъ краткій обзоръ, мы не можемъ не отмѣтить отсутствіе въ расходной сметѣ

Ц. К. расходовъ на изданіе пропагандистской литературы, и, въ особенности на организацію высшей партійной школы. Неужели, тратя по 15 тыс. фр. въ мѣсяцъ, т. е. чуть не 200 тыс. въ годъ, Ц. К. не считаетъ необходимымъ удѣлить средства на устройство школы, котораго такъ настойчиво требуютъ партійные рабочіе? Кромѣ того, мы бы высказали пожеланіе, чтобы расходы на „гонорары“ и „дѣты“ всегда выдѣлялись и сообщались съ подробными объясненіями. А то читаешь отчетъ, видишь, что расходы на различную партійную администрацію огромны, но объясненій этому не находишь. Вѣдь бюджетъ Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. это — не коковцевская роспись, въ самомъ дѣлѣ. Въ денежныхъ отчетахъ партійный центръ долженъ быть менѣе небреженъ.

ЧЛЕНЪ ПАРТІИ.

Р. С. Мы забыли отмѣтить еще прямо неприличный расходъ: „Думская коммисія“ 450 фр. (то по 150 фр., или по 60 р. въ мѣсяцъ). Это — коммисія при Ц. К., помогающая членамъ думской фракціи, соц.-дем. депутатамъ. Неужели же, товарищи депутаты (ихъ 16 чел.), получая по 350 р., т. е. по тысячѣ франковъ въ мѣсяцъ каждый, не могутъ всѣ вмѣстѣ взять на себя этихъ 150 фр. Интересно бы знать вообще, сколько они отчисляютъ изъ своей думской дѣты въ партійную

кассу? Надѣмся, что это любопытство не будетъ сочтено признакомъ нашего „отзовизма“ или злоуряднаго „анархизма“.

Къ свѣдѣнію товарищей.

Черезъ редакцію этого сборника можно получить слѣдующія брошюры:

- 1) „Современное положеніе и задачи партіи“ (платформа большевистской группы „Впередъ“) — изданіе группы „Впередъ“.
- 2) „Отчетъ первой Высшей соц.-дем. пропагандистско-агитаторской Школы для рабочихъ (августъ—декабрь 1909 г.)“. — Изданіе Совѣта Школы.
- 3) Л. Сажинъ. „Къ вопросу о возрожденіи партіи“. — Частное изданіе.

Въ слѣдующемъ сборникѣ группы «Впередъ» будутъ помѣщены статьи: тов. М. Горькаго (на литературную тему), тов. М. Лядова (по поводу 25-лѣтія опубликованія 1-ой соц.-дем. программы въ Россіи), тов. Ст. Вольскаго (по организационному вопросу).

